

Искорка

10

ЛЕНИЗДАТ ★ 1957

СПАСИБО, ПАРТИЯ!

Слова Б. Гусева

Музыка О. Романова

Широко, торжественно.

1. При - ми СПАСИБО, ПАРТИЯ РОД.НА. Я, ЗА ТО, ЧТО НАМ ОТКРЫТЫ ВСЕ ПУ.ТИ,

ЗА ТО, ЧТО О.ЧЕНЬ ДЕРЗКО МЫ МЕЧ.ТА. ЕМ И ЗНА.ЕМ: НА.ШИ СБУДУТСЯ МЕЧ.

Певуче

ТЫ. ЗА НА.ШИ ШКО.ЛЫ, ЗА.ЛИ.ТЫ.Е СВЕ.ТОМ, ЗА НА.ШИ ПИ.О.

В. 1-й раз.

НЕРСКИ.Е ДВОР.ЦЫ (ДВОР.ЦЫ), ЗА СМЕХ ВЕ.СЕ.ЛЫЙ (П.И.ДОНЕ)СКИМ ЛЕ.ТОМ-ПРИ.

В. 2-й раз.

МЫ СПАСИБО, ПАРТИЯ, ПРИ.МИ, ПРИ.МИ! ЗА ЛЕ.ТОМ-ПРИ.МИ СПАСИБО, ПАР.ТИ.Я, ПРИ.

Окончание.

МИ! 2. ЗА ЛЕ.ТОМ-ПРИ.МИ СПАСИБО, ПАРТИЯ, ПРИ.МИ, ПРИ.МИ!

sf *rit..... sf*

(Текст песни на 8-й стр.)

К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!

Год издания I

№ 10

Октябрь 1957 г.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома
и Горкома ВЛКСМ

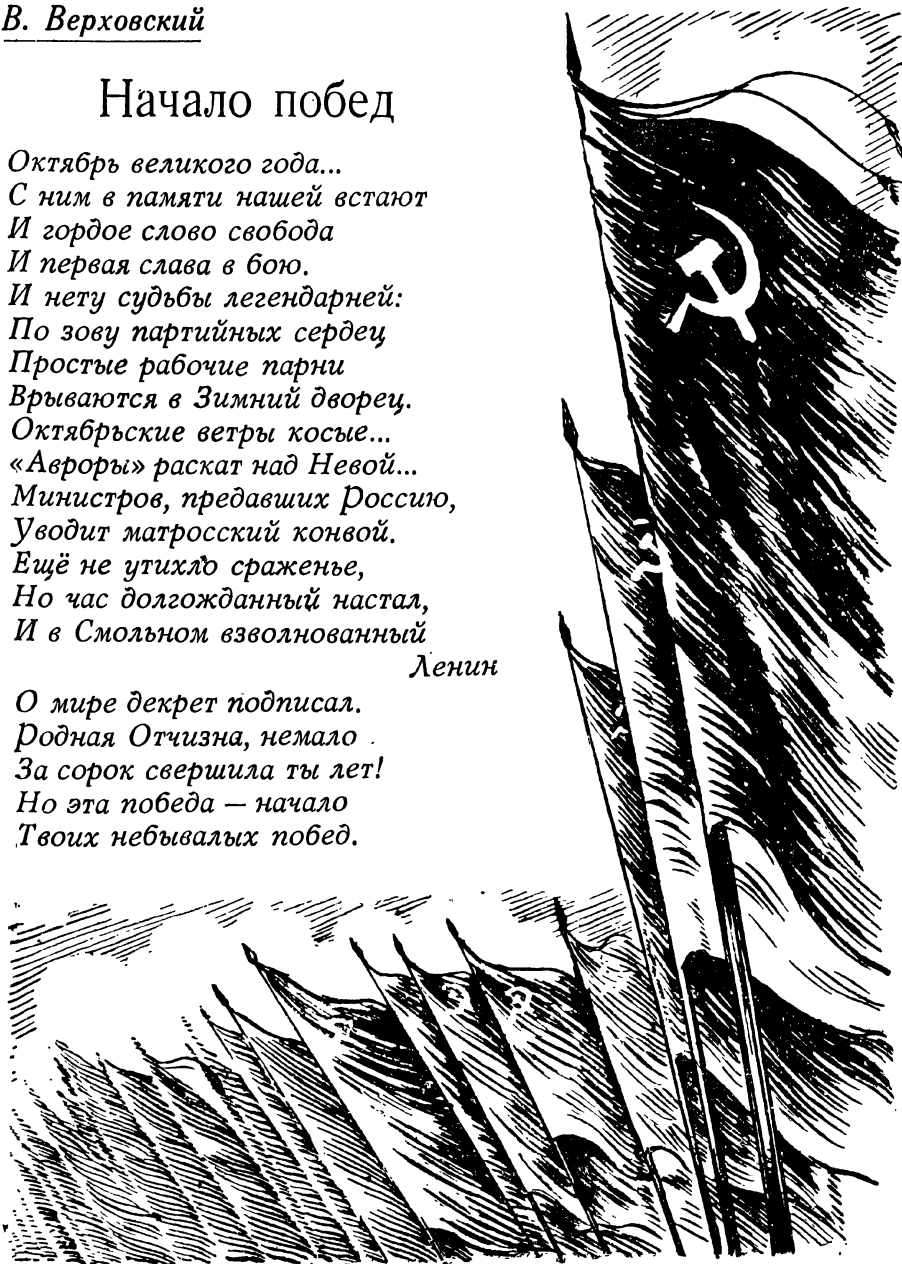
В. Верховский

Начало побед

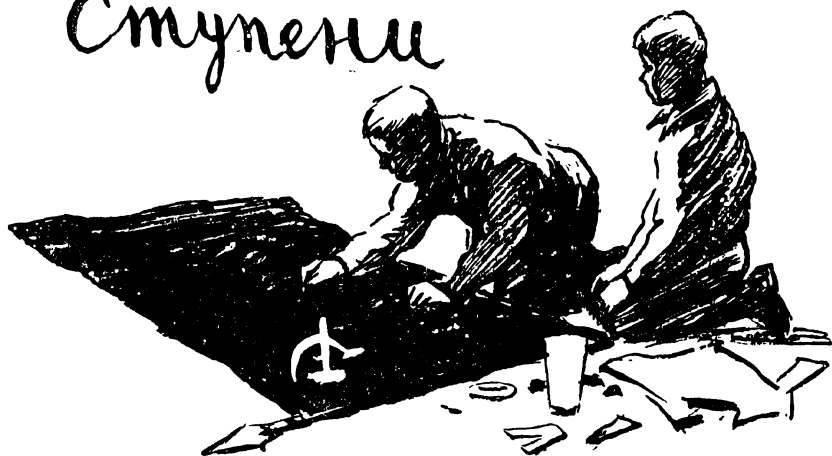
Октябрь великого года...
С ним в памяти нашей встают
И гордое слово свобода
И первая слава в бою.
И нету судьбы легендарней:
По зову партийных сердец,
Простые рабочие парни
Врываются в Зимний дворец.
Октябрьские ветры косые...
«Авроры» раскат над Невой...
Министров, предавших Россию,
Уводит матросский конвой.
Ещё не утихло сражение,
Но час долгожданный настал,
И в Смольном взволнованный

Ленин

О мире декрет подписал.
Родная Отчизна, немало
За сорок свершила ты лет!
Но эта победа — начало
Твоих небывалых побед.

Знамя первой ступени

РАССКАЗ

БЫЛ у меня друг — Юрка Пырх. Теперь он, и поверить трудно, заслуженный артист республики. А в то время, о котором пойдёт речь, исполнилось нам с Юркой по десять, и Октябрю подходило десятилетие. Славный ожидался праздник. Ещё бы! Десять лет первой на земле Советской власти!

В Ленинграде готовились к празднеству. Пихты навезли — вагоны. Ею обрамляли портреты и кулачковые лозунги и оплетали гирлянды лампочек. Получалось очень красиво. Жаль, что нынче забыли про пихту.

От школы, где мы учились, было рукой подать до Невского. Посреди площади Восстания высился памятник царю Александру III. Представьте себе огромный комод из красного гранита, на нём коня-тяжеловеса, схожего с бегемотом. На

конце, уперев гирию-кулачище в колено, сидел бородатый царь в шапке, как у городского.

После революции на мраморном пьедестале высекли стихок поэта Демьяна Бедного:

*Мой сын и мой отец при жизни
казнены,
А я пожал удел посмертного
бесславья,
Стою здесь пугалом чугунным
для страны,
Навеки сбросившей ярмо
самодержавья.*

Разумеется, как и всегда, Невский был красив, но многое его уродовало. Мало того, что посередине проспекта тянулись рельсы, по всей длине его ещё стояли нелепые металлические столбы с коромыслами для трамвайных проводов. Теперь таких столбов нигде не увидишь.

Автомобилей было мало, а если показать нынешним ребятам, какие ходили машины, — они будут смеяться. Не автомобили, а какие-то коробки с крышками на высоких колёсах. Зато извозчиков были сотни. Неторопливо трусили они вдоль проспекта. Кучер поцокивал языком. Копыта лошади звенели, ударяясь о набухшие от дождей деревянные торцы мостовой.

Мы с Юркой после последнего звонка скатываемся по перилам с третьего этажа и, застёгиваясь на ходу, наперегонки бежим на Невский, смотреть, что там делается. Проспект украшали к десятилетию Октября. На фонари натягивали треугольные стиги с цветными лампочками по сторонам. Стены давно не отремонтированных домов завешивали лозунгами и портретами, балконы увивали кумачом и пихтой. Наглядимся на все эти приготовления и так нам захочется на демонстрацию, — прямо до слёз! Просто недопустимо было, чтобы десятилетие Октябрьской революции без нас праздновалось.

Но что было делать? Мы ходили в четвёртый класс, а первую ступень на демонстрацию не брали. К тому же, я был ростом ещё куда ни шло, а Юрка и на цыпочках до выключателя в коридоре не доставал. Явись мы самовольно, нас непременно назад отправят.

Хотя Юрка Пырх был и маленького роста, — голова на всякие хитрости у него работала, как у большого. Он говорит:

— Если бы нам с тобой знамя, никто бы нас домой не прогнал.

Знамя — это, конечно, замечательно, но где его возьмёшь? В магазине не купишь. Да и денег нет.

Но известно, когда денег нет, — лучше соображать начинаешь. И тут пришла мне в голову мысль.

— Пойдём к нашему дворнику Антону, — говорю я Юрке. — Он четыре флага

вывешивает, а пятый у него в чулане, так, зря стоит. Может, одолжит нам?

— Не даст, — качает головой Юрка.

— А может, даст? Если выпивши, — обязательно даст. Мой отец в ревизионной комиссии состоит, и Антон, на всякий случай, и со мной здоровается.

И, представьте себе, дал нам Антон Лукич флаг, хотя и выпивши не был. Притащили мы флаг домой, разостлали на полу. Он был куда больше, чем казался на стене дома. Древко красное, деревянное, на конце золотая пика. В верхнем углу эмблема — серп и молот. Замечательный флаг!

— Хорошо бы, — говорю Юрке, — здесь Карла Маркса или Чапаева на коне нарисовать.

Юрка согласен. Конечно, неплохо, но кто позволит нам домовый флаг расписывать! Вдруг мой товарищ как хлопнет себя по лбу:

— Можно лозунг из бумаги вырезать и пришить.

Это была прекрасная идея. Немедленно стали лозунг по газетам искать. Нашли: «Да здравствует Великая Октябрьская Социалистическая Революция, пробудившая к свободе рабочий класс всего мира!»

Сосчитали буквы, и видим — много: девяносто шесть, да ещё разные тире и запятые. Только вырезать — и то до утра придётся. Решили сами лозунг придумать. Предлагаю:

— Да здравствует десять Октябрей. Ура!

Юрка подумал и говорит:

— Что значит — десять Октябрей? Лучше: — Да здравствует десять лет Октября!

— Ладно. Согласен. А «ура» надо?

— Ну, обязательно. Это и так ясно. Только в конце нужно восклицательный знак побольше.

— Может, три? — спрашиваю Юрку. — Я в кино видел: один матрос «ура» кричал, а в надписи три восклицательных знака.

— Можно и три, чтобы погромче, — соглашается Юрка.

До вечера мы вырезали буквы. Отец пришёл с завода, победил, поспал, — мы всё трудимся. Давно стемнело. Мы только лозунг по кумачу разложили, вдруг приходит моя мама:

— Вы до ночи думаете возиться? Иди-ка, Юра, домой. Тебя, поди, уже мать разыскивает.

Этого ещё только не хватало! Вот так всегда. Бросай, значит, всё — и домой. Юрка насупился, молчит. Ждёт, что я скажу. Я — в атаку:

— Ты что, мама? Завтра демонстрация. Куда мы без флага?

Но пойди, поговори с этими матерями. Она своё:

— Да, ведь уже скоро десять. Спать не ляжешь, я тебя ни на какую демонстрацию не пущу.

Что ты будешь делать? Хоть плачь! Но мама посмотрела на нас и говорит:

— Ладно, оставьте так. Я вам сама буквы пришью.

Юра поднялся с колен, смотрит на меня: дескать, можно ли твоей матери такое ответственное дело доверить? Я мигаю, хочу сказать: «Не бойся, друг, я глаз не сомкну».

Но только за Юркой закрылась дверь, — мама ко мне:

— Иди-ка и ты спать.

Вот тебе и на! Как же я, думаю, её контролировать буду? Однако

разве с ней поспоришь! Только себе хуже будет. Ладно, — решил, — я пойду, только спать не буду, а за тобой следить стану. Пошёл в другую комнату, разделся и потушил свет. Полежу, полежу и встану — посмотреть в щёлку. Она всё на кухне, а со знаменем ничего не делает.

— Мама, что же ты? — кричу. — Ведь завтра Октябрьская революция!

— Спи, не сердь меня, — отвечает мама. — Я же тебе сказала!..

Я замолчал, а сам думаю: «Дудки, я вам спать стану! Лучше я буду узоры на потолке считать». И уснул.

Утром, ещё темно, — звонок в квартиру. Осторожный такой: раз, два, три... Наверное, Юрка. Натянул я кое-как штаны. Неужели опоздали, и отец на демонстрацию ушёл, не разбудил? Вот номер! Отворяю дверь, и верно — Юрка.

— Ну что, готово?

Я со сна не сразу разобрал о чём речь, а он быстро, быстро, да таким шёпотом, что всю квартиру поднять можно:

— Меня твой Антон полуночным ругал. Сколько сейчас? Я из дому пораньше удраю.

Глянули, в кухне на ходиках и шести нету.

— Ничего, — говорит Юрка, — это даже лучше. Знамя готово?

Меня холод прошиб. Я же всё проспал и про знамя ничего не знаю. Бегу в комнату. Там на полу ничего нет. Назад, в коридор. Вижу — стоит под счётчиком, свёрнутое.

Развернули, — и на душе у нас отлегло. Всё даже очень аккуратно пришито. Только восклицательный знак один. Позже выяснилось, — это отец наш лозунг на два знака сократил. «Так, — сказал, — грамотнее будет». Ну, да какое это имело значение? Главное, было теперь у нас знамя: не пустят со школой, сами, одни пойдём.

Еле мы дождались нужного часа. В школу надо к девяти, а мы с Юркой в восемь уже были там. Первые явились. На улице ещё фонари горят, в воздухе сыро и холодно. Двери в школу закрыты. Стучать опасно: ещё прогонят! Присели на

скамью в садике, свёрнутое знамя меж собой поставили. Сидим, дрожим. Минут без двадцати девять нянечка Феня открыла двери. Мы вошли, потихоньку пристроились в тёмном углу за вешалкой, ждём дальнейших событий.

Вскоре вестибюль наполнился народом. Из директорского кабинета вынесли бархатное знамя с кистями, откуда-то притащили прибитые на палки фанерные карикатуры на Чемберлена и папу Римского. Кто-то крикнул:

— Товарищи, на улицу! Строиться в колонны!

Мы с Юркой вышли из засады с флагом. Развернули его и стали позади школьного оркестра.

Заведующий учебной частью у нас тогда был Николай Николаевич. Аккуратный человек, из старых учителей, с бородкой клинышком, которую он гордо пронёс сквозь две революции и гражданскую войну. Николай Николаевич похаживает вдоль колонны в своих ботинках с пуговками, вместо шнурков:

— Строиться, строиться!.. Ровнее...

Вдруг он оказался возле нас. Увидел наше знамя, снял пенсне, протёр пальцами. Моргает подслеповатыми глазами:

— Что это такое? Вы откуда, дети?

Мы пробурчали, что из четвёртого «Б».

— Идите домой,— сказал завуч.— Вам ещё рано демонстрировать погоду несоответствующая.

Мы уткнулись глазами в булыжник, молчим. Я на Юрку глянул, у него уши малиновыми стали.

Вдруг чей-то спасительный возглас:

— Разрешите им, Николай Николаевич...

И другой:

— Пускай они от первой ступени.

— А если получат инфлюэнцу?

— Не получим, Николай Николаевич. Ручаемся!

Завуч махнул рукой и ушёл в голову колонны. Наша судьба была решена.

Двинулись на улицу. За решёткой сада грянул оркестр. Юрка, на-

сколько хватало рук, поднял знамя. «Да здравствует...» заколыхалось над нашими головами. Честное слово, в этот миг знамя казалось мне и шёлковым и бархатным, а пришитые буквы — из настоящего серебра.

Юрка должен был нести его до кино «Колизей», а дальше — я. Нетерпеливо я отсчитывал трамвайные столбы, оставшиеся до «Колизея». Что это была за счастливая минута, когда я, наконец, вырвал древко из Юркиных рук и гордо поднял наше знамя!

В воздухе было сыро и холодно — осень. Но мы с Юркой ничего не замечали. Будто на улице было солнце. Мы шагали к площади среди колонн взрослых. Играли оркестры. Со всех сторон слышались песни. Медленно ползли ярко украшенные грузовики. На одном из них огромный рабочий молотом бил по голове толстого буржуа с множеством полей на животе. Так тогда миллионеров изображали. При каждом ударе цилиндр капиталиста сплющивался гармошкой, а фиолетовая физиономия раздавалась вширь. В кузове другой машины белогвардейский генерал с эполетами величиной в сковороду плясал в обнимку со старичком во фраке. Через плечо старичка была лента: «Пуанкарэ». По всему Невскому с балконов махали люди. Нам с Юркой казалось — все восхищены нашим знаменем.

Неподалёку от Садовой колонна встала. Юрка, который снова сменил меня, опустил знамя, и вдруг мы, к своему ужасу, заметили, что в нашем лозунге не хватало двух букв. Ветер почему-то сорвал только буквы «р», и теперь лозунг читался так, будто его выкрикивали малыши:

«Да здравствует X лет Октября!»

— Ничего,— мрачно сказал Юрка,— не заметят — ветер.

Но это было очень неприятно. Ветер играл с нами нехорошую шутку. К Казанскому собору потеряли ещё одну — «т» и восклицательный знак. Но мы не унывали и по-прежнему несли знамя. Правда, теперь уже не вырывали древко друг у друга, а терпеливо дожидались своей очереди. Руки наши давно по-

баливали, ноги ломило, но признаться в этом друг другу мы не решались.

Перед самой площадью, когда колонна опять остановилась, к нам подошёл Николай Николаевич.

— М-да, — промычал он, глядя на наше многострадальное знамя, — ну, на что это похоже?

«Выгонит... Сейчас прогонит», — мелькнуло в голове. Колени у меня дрожали от страха. «Неужели уйти вот сейчас, когда мы уже у цели?!» Я не смотрел на Юрку, но чувствовал, что и он переживает то же самое. И тут мой изобретательный друг нашёлся:

— А мы, Николай Николаевич, вот что...

И Юрка стал решительно срывать оставшиеся буквы. Не успел я и опомниться, как наш лозунг засиял с краткой убедительностью:

«Х лет».

И вот во всю мощь, на какую только он был способен, грянул наш оркестр, и мы с Юркой с высоко поднятым знаменем вступили на площадь. Тогда не было строгого порядка колонн, демонстрация лавиной текла мимо трибуны, с которой в рупоры выкрикивали приветствия.

Всё-таки мы добились своего и шли по площади рядом с теми, кто, может быть, десять лет тому назад брал Зимний. Мы с Юркой шагали мимо трибуны, откуда, как нам казалось, для нас выкрикивали лозунги и салютовали нашему знамени. Беспрерывное «ура» раздавалось над площадью. Оно смешивалось с ударами барабанов, звоном тарелок, десятками песен.

Мы были малы ростом и не видели тех, кто был на трибуне. Но неудержимая сила влекла нас туда. Незаметно для себя, мы вместе со знаменем всё больше и больше по-

давались влево и вдруг услышали над своими головами:

— А это ещё что за пара?

— Откуда такая?

Мы оглянулись и с ужасом поняли, что потеряли свою школу и давно идём в чужой колонне. Слева от нас покачивалось длинное полотнище «Завод «Красный выборжец». Рабочие шли ближе всех к трибуне. И тогда мы с Юркой, не задумываясь, врезались в их колонну. То ли нас не заметили, то ли приняли за своих, но нас не прогнали, и мы поплыли дальше, по-прежнему теснясь влево. Кто-то над нами крикнул:

— Смотрите, там товарищ Киров!

Колонна демонстрантов прибила нас к трибуне. Мы и сами не заметили, как застряли на свободном пространстве между трибуной и демонстрирующими. Мимо нас плыли разукрашенные грузовики и, сияя медью, проходили оркестры. Люди размахивали руками и что-то кричали, а мы с Юркой стояли против течения, вдвоём поднимая знамя.

Нам непременно хотелось, чтобы на трибуне его заметили.

В это время с трибуны на площадь сошёл человек в сдвинутой на затылок фуражке и кожаном пальто, из-под которого рядком гляделись пуговицы гимнастёрки. Человек в фуражке заметил нас с Юркой, подошёл к нам.

— Вы откуда, ребята? — строго спросил он, а голубые прищуренные глаза с пучочками добрых морщинок по краям смотрели весело.

Мы объяснили.

— А что это у вас за знамя?

— От первой ступени. Мы сами сделали.

— Ну что же, — он улыбнулся, — хорошее знамя! Вы где живёте?

Мы сказали.

— Ну, — говорит, — молодцы! Теперь шагайте домой.

Усталые, с ноющими в коленях ногами, но необыкновенно счастливые, возвращались мы к себе. Узкими переулками мы шагали в потоке сбившейся демонстрации. На плечах, как весло, по очереди несли свёрнутое знамя, которое отчего-то

очень потяжелело сразу, как только миновали площадь.

Уже года через два, а может быть, и позже, Юрке пришла в голову мысль, что человек в кожанке, который похвалил на площади наше знамя, был товарищ Киров. Юрка так настойчиво убеждал меня, что в конце концов заставил поверить. Вероятнее всего, это была его фантазия, потому что Киров стоял на трибуне. К чему ему потребовалось выходить на площадь? Но вот с тех пор прошло тридцать долгих лет, а нам с Юркой, теперь Юрием Сергеевичем, по-прежнему хочется думать, что это всё-таки был товарищ Киров. И, пожалуйста, не разубеждайте нас в этом.

Много с тех пор участвовал я в демонстрациях — октябрьских и майских. Проходил в военном строю под боевыми знамёнами, наблюдал и с трибуны шествия и парады. Но самой памятной на всю жизнь для меня останется та демонстрация в Ленинграде, в далёкий день десятилетия Октября, когда мы с Юркой Пырхом пронесли по Дворцовой площади наше знамя первой ступени.

СПАСИБО, ПАРТИЯ!

Слова Бориса ГУСЕВА

Музыка Олега РОМАНОВА

1.

Прими спасибо, Партия родная,
За то, что нам открыты все пути,
За то, что очень дерзко мы мечтаем
И знаем: наши сбудутся мечты.
За наши школы, залитые светом,
За наши пионерские дворцы,
За смех весёлый пионерским летом — } 2 раза
Прими спасибо, Партия, прими!

2.

За солнце над любимой Отчиной,
Которое врагам не потушить,
За то, что построенье коммунизма
Ты нам предначертала завершить.
Клянёмся мы сердцами молодыми
Исполнить свято каждый твой наказ
И вырасти для Родины такими, } 2 раза
Какими ты желаешь видеть нас!

3.

(Повторяется 1-й куплет)

(Ноты на 2-й стр. обложки)

Большая дружба

Да здравствует дружба большая
Республик Советской земли!
Всегда и во всём побеждая,
Единым путём они шли.

Великая партия наша
Вела их в грядущие дни.
И с каждой минутой всё краше
Становятся ныне они.

Знамён заревое соцветье
Над всею странюю плывёт.
Да здравствует сорокалетье
Великих народных свобод!

Леонтий ШИШКО

ВАЛЕНТИН Саввич Пикуль — молодой ленинградский писатель. В разгар Великой Отечественной войны, летом 1942 года, когда ему исполнилось 14 лет, Пикуль убежал из дому и поступил юнгой на флот.

Всю войну он плавал на одном из эскадренных миноносцев Северного флота, который сопровождал морские караваны.

В 16 лет Валентин Пикуль уже был командиром боевого поста на эсминце.

После войны он вернулся в Ленинград и занялся литературной деятельностью. Первый его рассказ «Жень-Шень» был напечатан в 1948 году в альманахе «Молодой Ленинград».

Весной 1954 года в издательстве «Молодая гвардия» вышел в свет роман «Океанский патруль», над которым Пикуль трудился несколько лет. В этом произведении автор рассказал о своих боевых товарищах — военных моряках, защитниках Севера нашей Родины.

Валентин Пикуль

Рисунки Г. Филиппова

РАССКАЗ

1.

Я ЖИВУ в Ленинграде, на Крестовском острове. Если смотреть из окна моей квартиры, то вдалеке видна сизая полоска воды. Это — море, которое я люблю больше всего на свете...

Вот и сейчас я сижу за столом, часы отбивают полночь, и горизонт,

почти невидимый во мгле промозглой осенней ночи, колеблется светлыми искрами далёких огней.

Это торговые корабли уходят в плавание к южным широтам, чтобы весной снова вернуться к знакомым причалам.

Невольно завидуя тем, кто раскачивается сейчас на скользких палубах, я вспоминаю свою юность.

Она была у меня тревожной, как первый порыв ветра, ударивший в откинутое крыло паруса.

Я вспоминаю такую же ночь, только море было другое — совсем не мирное, и смотрел я на него не из окна квартиры, а с высоты мостика миноносца. Суровый полярный океан вздымал тогда свои тяжёлые гребни студёных валов, среди которых нельзя было разглядеть ни одной искры, ни одного огонька.

Война!..

Эскадренный миноносец «Грозный», на котором я плавал рулевым, встречал 27-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции на узком рейде полярной гавани, стиснутой каменистыми островами.

До этого мы восемь суток качались возле берегов Новой Земли. Нам разрешалось во время сна только ослабить ремни, мылись мы забортной водой, кормились зачастую всухомятку, и даже наши юнги казались седыми от засохшей в волосах морской соли. И вот, наконец, из штаба передали по радио: «добро» на отдых. В умывальники и души включили пресную воду. Любители поесть уж толпились в дверях камбуза, угадывая по кухонным ароматам меню предстоящего обеда, — всё было несколько шумно, весело, оживлённо.

Готовясь к торжественному митингу, матросы переодевались во

всё чистое, радостно скидывая с себя жёсткие, заскорузлые от морской соли парусиновые голландки.

И мы собрались...

На середину заполненного до отказа кубрика вышли командир и комиссар корабля. Но вместо праздничных слов приветствия, мы услышали чеканные слова приказа:

— Митинг отменяется! Все выходы в открытое море блокированы подводными лодками противника! Нам предстоит прорваться через это кольцо, чтобы уйти с рейда на выполнение боевого задания... Боцман! Команде стоять по местам, с якорей сниматься...

2.

КРУТЫЕ корабельные трапы уже тряслись и грохотали под тяжёлым матросским шагом. На верхней палубе нас встречал пронизывающий до костей ветер, а колючие брызги, взлетающие из-за борта, смерзались на лету, больно хлеща нас по лицам. В сплошной темени полярной ночи мы разбегались по боевым постам, подгоняя один другого на трапах и в глубоких люках.

Я взбежал на мостик и прошёл в ходовую рубку, броня которой сверкала холодным инеем. Через толстые промёрзшие стёкла смотровых окон мне удалось разглядеть взбаламученный простор рейда, на котором плавно качались корабли нашего дивизиона — «Дерзновец» и «Сокрушающий»...

Ко мне подошёл штурман, взволнованный, в распахнутом меховом костюме.

— Проверь рулевое управление, — сказал он и строго добавил: — На выходе в океан волна будет нас бить в правую «скулу». Ты учти это на поворотах и... будь как можно внимательней!..

Если кто из вас хочет увидеть меня в этот момент стоящим за громадным колесом штурвала и глядящим в диск магнитного компаса, тот глубоко ошибётся. Штурвалы остались только на старых «коробках» да на татуировках

людей, которые, может быть, и моря-то никогда не видели.

Нет, я стоял в рубке, окружённый множеством приборов, которые стучали на разные лады, сверкали стрелками циферблатов, дружески подмигивали мне разноцветными вспышками, словно хотели ободрить: не бойся, мы тебя не подведём, верь нам... И мои ладони стискивали сейчас не рукоятки штурвала, а две массивные ручки электроманипуляторов. Одно моё движение — и в корме заревут моторы, руль станет послушным и лёгким...

— Есть, учту, товарищ лейтенант, — ответил я штурману, и в этот момент палуба вздрогнула подо мною, в уши ударило звонким грохотом — это начали выбирать якоря...

Командир уже стоял возле машинного телеграфа и, видно, не успев одеться в каюте, торопливо зашёлкивал на своих ногах медные застёжки громадных штормовых сапог. Матрос-акустик, приоткрыв дверь своей тесной рубочки, окликнул меня и, сдвинув наушники на виски, приятельски сообщил:

— Я слышу: на «Дерзновенном» уже запустили машины. Он пойдёт, наверное, передовым, а потом — мы...

С полубака донёсся приглушённый воем ветра голос боцмана:

— Чи-ист яко-оры!..

Наш эсминец тронулся на выход в океан вслед за «Дерзновенным». Тут я вспомнил, что на мне, вместо обычной походной одежды, праздничная фланелевка и брюки клёш по первому сроку. И не только я один — вся команда одета во всё чистое, словно собралась гулять на берег. Получилось так, что мы, не сговариваясь, исполнили тем самым старинную традицию русского флота: идти в бой с врагом одетыми в самое лучшее, в самое чистое...

— Помощник, — приказал коман-

дир, — «играйте» боевую тревогу!..

«Как? — подумалось мне, — ведь мы ещё не вышли с рейда? Неужели обстановка настолько рискованна?..»

А по всему кораблю, начиная от сырых придонных отсеков и кончая рубками дальномеров, уже заливисто грохотали

«колокола громкого боя» — мёртвый, казалось, и тот проснётся от этой призывной «музыки»!

Завращались раструбы торпедных аппаратов, орудийные стволы, вздрогнув, сначала точно нехотя, поползли вдоль чёрной кромки морского горизонта. И по всему кораблю задраивались тяжёлые водонепроницаемые двери, люки и горловины, звенели телефоны, гудели ревуны, сигналили лампы...

3.

— **КАЖЕТСЯ**, пошли, — сказал мне акустик и захлопнул дверцу своей рубки, чтобы теперь ничто не мешало ему прослушивать толщи океанских глубин.

— Пошли, — отозвался сигнальщик.

— Идём, — почти весело сообщил мне штурман, снова пришедший в рубку. — Держи пока в кильватер «Дерзновенного», потом дивизион будет перестраиваться для отбития атак...

— Лево на борт! — приказали мне.

Острый нос корабля поплыл влево, в смотровое окно сразу плеснуло солёной горечью, и мимо нашего борта затаённо проскользил небольшой скалистый островок. Отныне вся моя сила ушла в пальцы рук, обхватившие манипуляторы, всё внимание, весь разум, всё существо сосредоточилось на командах и на приборах...

И вот первая океанская волна грубо и могуче толкнула эсминца в носовую «скулу». Корабль подмял

её под себя, разломил на две части, словно краюху мягкого хлеба, и, окутавшись тучей брызг, взлетел на другой гребень. Высокие шеренги водяных валов, перевитые барашками белой пены, теперь шли и шли на нас, наступая с севера ровным, гудящим строем.

Приближался выход в открытый океан...

4.

ГДЕ-ТО в стылой тяжёлой воде таятся сейчас невидимками хищные стальные тела вражеских подлодок. Для них не существует нашего праздника — дня Революции. В глухую штормовую ночь им ещё лучше разбойничать, и они ползают на глубине, контролируя выходы с нашего рейда.

Мы готовимся встретить их, они — нас.

Там, в душной атмосфере отсеков, что отравлена испарениями аккумуляторов, люди другого мира тоже ожидают сражения. Матросы в чёрных свитерах с белыми орлами на груди, давно небритые и усталые, сидят у приборов, наспех дожёвывают шоколад и галеты, тихо играют, наверное, на губных гармошках, чтобы убить страшное молчание ледяной пучины; и вестовой, наверное, подносит командиру чашечку крепкого кофе перед боем; гитлеровский офицер, не отходя от перископов, выпивает её и, может быть, думает: а вдруг эта чашечка последняя в его жизни?..

Не оборачиваясь, я услышал, как командир подошёл к акустику, спросил его:

— Ну, как? Пока всё спокойно?..

— Пока — да, — ответил акустик. — На «Сокрушающем» вот, видать, лопасть винта погнута, режет воду со свистом... Косяк рыбы прошёл под нами, а больше ничего не слышно, товарищ командир...

И вдруг весь корабль зазвенел от сильного подводного удара. Я видел, как вдалеке перед нами выросли два столба воды, поднятые взрывами к небу, и в этот же момент сигнальщик доложил:

— На «Дерзновенном» нащупали подлодку противника! Флагман приказывает начать контрольное бомбометание!..

Но он ещё не успел закончить начатой фразы, как акустик толчком выбил дверь своей рубки и закричал:

— Подводная лодка!.. Дистанция... курсовой угол... Идёт от берега со скоростью в пять узлов...

— Право руля! — скомандовали мне. Я развернул корабль и откинул смотровые окна. Теперь прямо в моё лицо летели клочья солёной пены, ветер перебивал дыхание, но зато мне было всё видно...

Эсминец, завершив поворот, выходил на бомбёжку. Сейчас на корме матросы катили тяжёлые бочки глубинных бомб, чтобы сбросить их за борт. Всё море грохотало и кипело от взрывов. Но это было ещё не самое страшное, и я, как и все, был

спокоен, пока сигнальщик не крикнул снова:

— Правый борт!.. Курсовой... Две торпеды идут на нас!..

5.

ОРУДИЯ уже открыли огонь противолодочными снарядами. Прямо под моей рубкой пушечный хобот выкидывал в черноту ночи багровые сгустки пламени, пироксилиновая вонь проникала в рубку.

Я быстро взглянул в бортовой иллюминатор. Да, откуда-то издалека тянулись в нашу сторону два светлых пенистых шлейфа взбудораженной торпедами воды. Иногда в толчее волн они пропадали совсем, потом снова показывались, неутомимо приближаясь к нашему борту...

В этот момент командир встал рядом со мною, положил мне на плечо свою тяжёлую руку в кожаной перчатке:

— Поворот направо, — почти тихо сказал он мне. — Больше клади руль на борт. До самого упора клади... Так, так...

Эсминец лёг на воду почти всем бортом, волны теперь гуляли по верхней палубе. Вода колобродила даже на орудийных площадках, и я мельком увидел, как комендоры, прекратив на время стрельбу, хватились за пеньковые сетки, чтобы волны не сбросили их за борт...

— Прямо руль! — вдруг жёсткоскомандовал мне командир.

Корабль рывком выпрямился, и вода, словно испугавшись чего-то, мгновенно схлынула с палубы. Теперь мы шли навстречу торпедам, и я понял, что командир решил сбить их с курса, отшвырнуть от себя работой винтов.

И когда смерть оказалась уже совсем рядом, поверх моих рук легли ладони командира. Навалившись на меня сзади, он сам круто переключил манипуляторы. «Грозный» подставил торпедам свою корму, и две торпеды, попав в громадные каскады воды, были отброшены в сторону...

Моё лицо уже давно было мок-

рым от воды и слёз, выжатых из глаз напором ветра, но в этот момент мне показалось, что я заливаюсь потом, и невольно вытер лицо рукавом бушлата.

— Усилить огонь! — услышал я за спиной голос моего командира, и машинный телеграф звякнул несколько раз, приказывая машинистам увеличить скорость...

6.

ДИВИЗИОН эскадренных миноносцев летел на полных оборотах винтов.

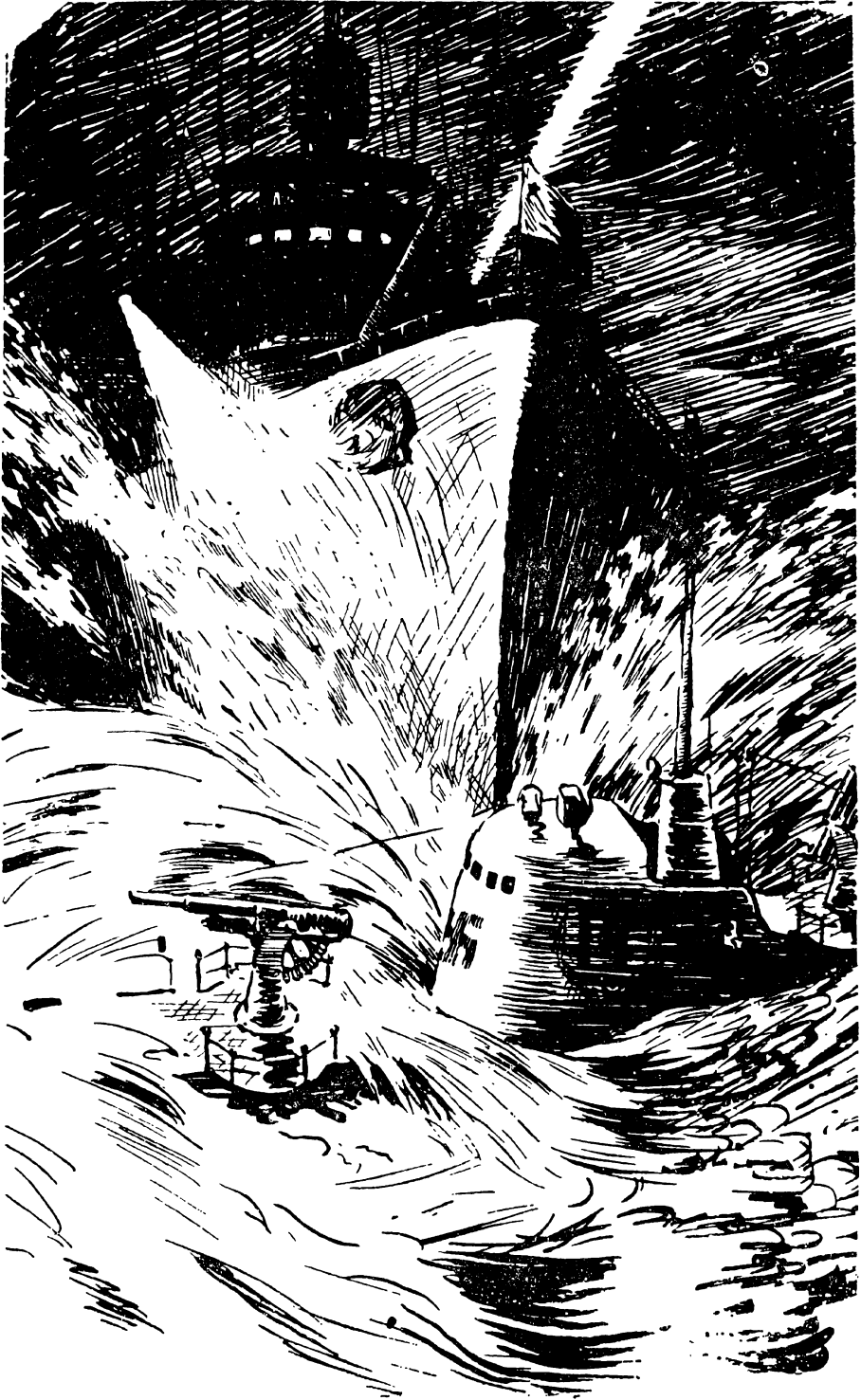
В смотровое окно я видел ныряющий в провалах волн форштевень миноносца, я видел, как полубак корабля выкидывается наверх, подбрасывая на себе тонны штормовой воды. Я уже мог разглядеть перед собой бесконечный простор открытого океана...

Кольцо блокады мы прорвали. С «Дерзновенного» передали по радио, что он прошёл над потопленной подлодкой, и громадный воздушный пузырь, вырвавшийся на поверхность, и соляровое пятно, смилившее волны, — были доказательствами её гибели. Сколько их было там, на глубине, этих вражеских субмарин, — мы не знали, но акустик уже охрип от крика, докладывая то об одной, то о другой подлодке, появившейся то справа, то слева по нашему курсу...

Матросы, стрелявшие из орудий, давно уже скинули ватники и бушлаты, чтобы одежда не стесняла их движений: они устали. От частых взрывов заклёпки в бортах нашего эсминца начали «слезиться», и электрические лампочки, вывёртываясь из патронов сами собой, разбивались о палубы с гулким хлопанием.

Казалось, что конец боя уже наступил, когда мы, огибая скалистый невысокий мыс, заметили ещё одну подводную лодку...

За время войны я не раз встречал врага, видел его самонадеянным и гордым, видел его униженным и жалким, видел, как тонут корабли противника, жалобно кри-

ча своими сиренами, но подлодка, которую я разглядел в эту ночь из смотрового окна, останется в моей памяти на всю жизнь...

Мне кажется, что командир её был опытный и сильный противник. Он отвёл свою субмарину подальше от главного места сражения, чтобы встретить нас на самом выходе в океан.

Он думал, наверное, что мы пройдем мимо, не заметив его, и действительно подлодку было заметить трудно: её силуэт сливался с тенью от берега.

Но наши сигнальщики заметили её, и я почти всей грудью лёг на манипуляторы...

7.

Я НЕ раз водил корабли. Я стоял за рулём боевых миноносцев и рыбацких лайб, гружённых трескою. Мне пришлось стоять за рулём полузатопленных кораблей, и выпала честь проводить корабли под праздничные салюты в день Победы. Но я никогда не забуду эти две-три минуты, в которые как бы подвёлся итог всей моей моряцкой жизни; — эти две-три минуты, когда я увидел вражескую подлодку...

Она стояла в позиционном положении, выставив над водой одну только рубку. В такие моменты время исчисляется долями секунд, и, повинаясь какому-то бессознательному чувству, ещё не дождавшись команды, я положил рули на право.

Когда же мне приказали: «Право на борт!», корабль уже лежал в крутом повороте.

Внизу, на мокрой ныряющей палубе, работали комендоры. Пушка повиновалась им, словно сильное, хорошо прирученное животное. До меня доносились чёткие удары замка, шипение воздушных компрессоров и голос орудейного старшины:

— Заряжай!.. Отходи!.. Залп!..

Многотонные водяные гейзеры, поднятые снарядами, окружили вражескую подлодку. До моего слуха донеслось звяканье телеграфа — это командир приказал развить предельную скорость. И такой скорости, с какой мы сближались с врагом, я тоже никогда не видел в жизни...

Вестер, летевший мне навстречу в смотровое окно, был плотен, как спрессованная вата. Он душил меня, я не мог дышать и, чтобы глотнуть воздуха, должен был отвернуть лицо в сторону. Брызги стекали лицо так больно, словно железные шпигирты.

Рука командира снова лежала на моём плече.

— Цель в рубку, — сказал он мне, — погрузиться они не успеют...

Впервые за всю службу на посту рулевого я не ответил на команду привычным моряцким «есть»... Все чувства, которыми я жил до сего момента, куда-то отошли, словно растерялись. В эти короткие мгновения я жил одним — только бы не промахнуться, только бы ударить точно...

— Прожектор! — крикнул командир, и слепящий фиолетовый луч прожектора, рассекая тьму, уставился прямо в рубку вражеской субмарины...

Я увидел, как на мостике подлодки засуетились люди, как от ору-

дия побежали, карабкаясь по трапу, вражеские комендоры. Мне казалось, что я слышу их крики...

— Только не подведи, — сказал мне командир, — ударь наверняка...

8.

СОТНЯ человек команды нашего корабля испытывала, наверное, то же, что и я. Многие из них, запертые в нижних отсеках, не могли видеть всего, но они уже знали, что корабль идёт на рискованный таран, и радист в своей рубке, кочегар у котельных форсунок, комендор возле орудия — все они, вольно или невольно, как бы приложили свои руки к тем манипуляторам, которые я сейчас сжимал в своих ладонях...

— Сейчас, — помню, сказал я, — вот сейчас ударим...

Подводная лодка врага приближалась стремительно. Я уже мог разглядеть на её рубке громадный лавровый венок, в центре которого стояла намалёванная краской цифра «14» — это был счёт побед противника, своеобразная гитлеровская бухгалтерия...

Последнее, что я увидел, — это люк подлодки, который закрылся за последним матросом: подлодка стала быстро уходить в воду. Волны сразу закипели вокруг её мостика. Вот сейчас скроются под водой его поручни, потом погрузятся стволы перископов и...

— Поздно, — услышал я за своей спиной чей-то голос. И в этот же момент страшный удар потряс весь корабль.

Форштевень нашего миноносца с полного хода врезался в корпус вражеской подлодки.

Палуба, казалось, встала от сильного толчка на дыбы, я полетел

вперёд, потом палуба придвинулась к самому моему лицу и вдруг показалась мне мягкой, родной и удобной...

Когда же я очнулся, увидел над собой звёзды. Голубоватые Плеяды мерцали в вышине, и созвездие Гончих Псов стремительно проносилось над головой.

Я повернул голову и понял, что лежу на носилках. Два матроса несли меня по наклонной палубе. Я был привязан к штормовым носилкам ремнями, и санитары избегали по трапам, спускали меня в глубокие люки, — я не ощущал этих взлётов и падений.

— Где мы?

— Молчи, — ответили мне.

Состояние небывалого покоя и необъяснимой радости от сознания исполненного долга охватило меня. Я не помню уже сейчас — почему, но я тогда твёрдо решил, что этот праздник — самый лучший из всех праздников, какие я только отмечал в своей жизни...

Отстегнув ремни, я приподнялся на носилках, пристальнее всмотрелся в окружавшую меня темноту и увидел вокруг себя косо взлетающие над палубой гребни волн.

Это было море...

Миноносцы выходили в открытый океан.

*

ВОТ о чём вспоминаю я в эту ночь...

Часы уже давно отбили полночь, а я всё ещё сижу возле окна и смотрю, как уходят в море корабли. Яркие мирные огни горят на их высоких мачтах, и эти огни увидят все — рыбаки Лафонтенских островов, докеры Марселя, безработные матросы Малапаги, египетские землешлипы.

В. Н. Грусланов и М. П. Лободин — ленинградские литераторы, известные по книгам о великом русском полководце А. В. Суворове: «Шпага Суворова», «Серебряные трубы» и «Дары Измаила».

Владимир Николаевич Грусланов в начале первой мировой войны был мобилизован в армию. За храбрость и спасение жизни командира его наградили четырьмя Георгиевскими крестами.

В 1917 году он — активный участник Февральской и Октябрьской революций. В том же году вступил в партию большевиков.

После Великой Отечественной войны Владимир Николаевич Грусланов посвятил себя любимому делу, которому отдал почти 30 лет своей жизни, — собиранию материалов об А. В. Суворове.

Михаил Павлович Лободин с 1946 года совместно с В. Н. Груслановым работает над книгами об историческом прошлом нашей Родины, о великом полководце А. В. Суворове.

40-летию Великого Октября авторы посвящают свою новую книгу «Спасённое знамя».

В. Грусланов и М. Лободин

Рисунки В. Орлова

Печать эскадрона

ТРЕТИЙ год отбывалась молодая республика Советов от натиска врагов. Третий год питерский рабочий-железнодорожник, а теперь командир эскадрона Первой Конной армии Будённого, Николай Крайнев сражался с интервентами и белогвардейцами.

Осень 1920 года. Первая Конная ог-

ненной лавиной расколола надвое армию белополяков, прорвала фронт и, освободив Киев, Житомир, Белую Церковь и много других городов, двинулась в Западную Украину — на Дубно и Ровно, громя отступающего врага.

Полк, в котором служил Николай Крайнев, остановился на отдых в селе

Паниковцы, километрах в тридцати от уездного города Злочева.

Ещё далеко за селом будённовцев встретили крестьяне с хлебом-солью.

Вдоль улиц, по одну и по другую сторону, толпился народ. Угощали красноармейцев хлебом, пирогами, колбасой, салом, огурцами, помидорами.

Здесь же чуть ли не у каждого домика стояли столы и скамейки. На них — кринки с молоком, кувшины с холодным квасом, кисловатое, но такое освежающее вино, что, опрокинешь баклажку и, пока не допьёшь до конца, не оторвёшь от неё губ.

Между будённовцами шныряли ребята с корзинками, наполненными сливами, яблоками и грушами. Выпрашивали на память красноармейские звёздочки. Кое у кого на груди уже алели пятиконечные звёзды.

Двое стариков крестьян с глубокими ивовыми корзинками в руках раздавали кавалеристам махорку. Они не хотели никого пропустить и отсыпали каждому по гранёному стаканчику табаку.

— Эх, да махорочка! Хороша! Ароматна! — воскликнул боец, затягиваясь дымком от наскоро скрученной, толщиной в палец, сигарки.

— Спасибо! Спасибо, батька! Выручил!

Бравый пожилой

казак-кубанец, в серой черкеске и красном бешмете с белым башлыком за плечами, докурив самодельную трубочку и затянул старинную казачью песню. Конники подхватили:

А тютюн да люлька казаку в дорози пригодятся!

Гей, долиною, гей, широкою, казаки идут!

Где-то заиграла гармонь. Начинались пляски...

Лихие рубаки, будённовцы, подхватывали девчат и увлекали их с собой в стремительный круг.

Давно не видел старый четырёхколонный дом богатой помещицей усадьбы такого веселья.

На другой день с утра паниковцы снова собрались перед этим домом. Пришли разодетые.

Посреди лужайки, где вчера так лихо отплясывали гопака и «барыню», стоял вытасенный из усадьбы резной стол. Перед ним, укреплённые на длинных древках, хлопали на ветру алые и тёмно-красные шёлковые полотнища знамён.

Солнце припекало всё сильнее. На знамёнах вспыхивали золотом пятиконечные звёзды и жгучие надписи.

— Дорогие граждане села Паниковцы! — крикнул басовито Николай Крайнев, забравшись на стол-трибуну.

Паниковцы притихли.

Командир эскадрона приглашал мужчин и женщин, старых и молодых, выбирать лучших людей в свой, паниковский, сельский Совет. Выбирать тех, кто, не щадя сил, пойдёт вместе с беднотой и батраками одной дорогой в борьбе за лучшую жизнь.

— Самим надо учиться управлять государством! — говорил, весело улыбаясь, Крайнев. — Самим строить свою жизнь, без панов, помещиков и богатеев!

— Как же это так, самим? — сомневались старики. — Боязно самим! Не справимся!

— Справимся, старики! Вон сколько нас! Сила какая! — выступил вперёд невысокий

ростом, крепкий, сухощавый человек лет тридцати.

Он снял с головы довольно поношенную светлую фетровую шляпочку. Из-за широкой чёрной ленты кокетливо выглядывало петушиное перо. Сорочка сверкала белизной, хоть все видели, что в двух-трёх местах она заштопана. А вспыхивавшие горячими огнями чёрные, словно угли, глаза, чёрные, мохнатые, в разлёт, брови над горбатым турецким носом и смоляные, стрелками, усы, да большущие, сильные, натруженные руки убеждали: да, этот и сам сробит всё, что нужно, и других поведёт за собой.

— К о в а л ь ч у к а! Григория! — кричали паниковцы.

— Ковальчука в Совет!

Люди шумели, волновались. Все согласились на том, что Григорий Ковальчук, недавний панский батрак, известный в Паниковцах бунтарь, — самый подходящий кандидат в председатели Совета.

— Наикраший пан староста будет! — убеждал старик в мундире австрийского солдата.

— Не пан староста, — разъяснял Крайнев, — а председатель Паниковского сельского Совета.

— А я шо кажу? — удивлялся дед. — Я и кажу: пан председатель!

— Товарищ председатель! — поправлял его Крайнев, не в силах удержаться от смеха.

— Товарищ пан командир! — не унился старик. — Боязно как-то власть «товарищем» прозывать.

— Привыкайте! — строго сказал Крайнев. — Привыкайте! Сами вы теперь власть! Народ!

Григория Ковальчука избрали председателем сельского Совета села Паниковцы, учительницу — секретарём. А деда, что боялся власть товарищем называть, избрали членом сельского Совета.

Крайнев вынул из кармана тужурки круглую печать эскадрона. Взглянул на неё.

— Возьми, товарищ председатель, эту печать. На ней — серп и молот. Символы власти трудящихся. Скрепляй ею добрые дела Советской власти.

Григорий Ковальчук принял от командира печать. Поднял её высоко над головой и поцеловал. Бережно завернув в платок, он сунул печать в карман и низко-низко поклонился сначала Крайневу, затем паниковцам.

До поздней ночи гуляли граждане советского села Паниковцы. Рано утром будённовцы ушли на Львов.

Недолго продержалась в Паниковцах Советская власть. Снова налетели паны, разогнали Советы, поставили в сёлах старшин — войтов да воевод.

...В сентябре 1939 года Западная Украина и Северная Буковина воссоединились с Советским Союзом.

Красная Армия-освободительница двигалась к Львову. 25-я Чапаевская дивизия остановилась на отдых в Паниковцах. А в штабе этой дивизии

служил Владимир Измайлов — работник Ленинградского Артиллерийского исторического музея.

В своей памяти Измайлов хранил рассказ старого друга — будённовца

Николая Крайнева о печати эскадрона.

«Жив ли Григорий Ковальчук? Что с ним?» — думал Измайлов.

Он стал расспрашивать жителей села о первом предсе-

дателе сельского Совета, но никто не мог толком рассказать, куда тот делся.

— Поищите следы в уездном полицейском участке, в Злочеве, — посоветовал один старик.—

Участок, правда, разгромлен.

Подумал Измайлов и решил последовать совету. Вечером того же дня он уже находился в уездном городе Злочеве, в большой комнате полуразрушенного дома. Там при панах размещалась уездная полицейская управа.

Оконные рамы без стёкол. Кровля дома обрушилась. На чёрных от копоти стенах — узоры пожара.

«То ли жандармы замечали следы своей мрачной деятельности, то ли народный гнев вылился в поджог дома ненавистой полицейской управы», — подумал Измайлов.

В комнатах управы — груды щебня,

битого кирпича, обуглившиеся доски, ломаная мебель...

У Владимира опустились руки.

— Одному здесь и за неделю не разобратся! — процедил он мрачно сквозь зубы. — Что же делать?

Музейному работнику часто помогали в поисках школьники.

В эту трудную минуту Измайлов вспомнил о ребятах.

На дворе стоял сентябрь, но школы пустовали, занятий не было.

Рано утром Измайлов заглянул в Злочевскую школу. Там на покрытом травой дворе слонялись без дела ребята. Они скучали без занятий.

Измайлов собрал ребят, рассказал им о первом председателе сельского Совета села Паниковцы, о печати эскадрона, о будённовцах...

— Поможете отыскать печать? — спросил он ребят, заканчивая свой рассказ.

— Поможем! Поможем! — загудели в ответ школьники.

Ещё задолго до полудня он со своими юными помощниками подошёл к полицейской управе. Спустя минуту они уже осматривали её комнаты, чуланы и клетки.

— Нельзя терять времени! — говорил Измайлов школьникам. — Надо в этих комнатах всё пересмотреть. Уверен, мы найдём здесь след Григория Ковальчука. — Он волновался. Волновались и ребята.

Работа закипела.

Часа через три из-под битого кирпича, стекла, обломков железа и дерева извлекли несколько обвязанных шпагатом пачек с бумагами. Взгляд Измайлова остановился на объёмистой папке.

Сверху на обложке он прочёл надпись:

«Дело о бывшем председателе сельского Совета села Паниковцы Г. П. Ковальчуке».

Вместе с решениями и постановлениями советских органов власти, протоколами заседаний деревенской бедноты, копиями справок

сельсовета и старыми советскими газетами в деле находился протокол обыска и обвинительное заключение.

В протоколе упоминалось о печати советской воинской части.

— Где же она? — нетерпеливо пробормотал Измайлов, перебирая во второй и в третий раз документы.

Печати среди вороха бумаг не оказалось. Это озадачило Измайлова. Всё же он не оставил поиски.

Было ясно, что здесь, в этом доме, заваленном всяким хламом, должна быть печать, о которой написано в протоколе обыска.

Находка «Дела Ковальчука» обрадовала всех. Она принесла силу и бодрость утомлённым долгими поисками ребятам. Они много часов почти без отдыха перерывали груды извлечённых из-под щебня и кирпичей связок с документами и вещественных доказательств: запретных политических книг, газет, листовок, фо-

токарточек и холодного оружия. Ребята устали. Теперь же усталость как рукой смахнуло. Они заработали ещё усерднее.

К исходу дня переворостили всё, что только попадалось под руку. Но печати найти не удалось.

Приближался вечер.

— Ничего! — успокаивал ребят Измайлов. — Завтра с утра снова займёмся поисками. Если мы нашли «Дело Ковальчука», найдём и печать. Она здесь.

Вышли во двор.

Измайлов попросил своих юных помощников стать в строй. Он одаривал каждого подарками — почтовыми открытками, серебряными полтинниками с изображением серпа и молота и бронзовыми нагрудными значками с ярко-красной звездой.

Скоро на груди у школьников засверкали звёздочки. В руках Измайлова лежала ещё одна. Он поглядывал то на звезду, то на ребят и недоумевал. Он знал, сколько человек помогало ему, и

помнил, что захватил с собой такое же количество нагрудных значков.

«Почему один лишний?» — спрашивал Измайлов и, не выдержав, спросил:

— Все ли в сборе?

— Все, все! — зашумели ребята.

— А Костя? — сказала какая-то девочка. — Где Костя?

— Костя! Костя! — закричали ребята.

Из дверей полицейской управы выполз измазанный с ног до головы самый младший помощник Измайлова — Константин Перемога, ученик пятого класса Злочевской школы.

— Вот! — сказал Костя и подал Измайлову маленький свёрточек.

Измайлов торопливо разорвал верёвку, развернул запечатанную тряпку и...

— Печать! — вырывалось у ребят.

Да, это была печать эскадрона. Та самая печать, которую осенью 1920 года командир эскадрона будёновской армии Николай Крайнев вручил Григорию Ковальчуку!

Все «археологи» подержали печать в

своих руках. По очереди они громким голосом прочитывали надпись на печати:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Пришлось Измайлову дать Косте Перемоге не один, а целых два нагрудных значка.

— Для сестрёнки! — сказал с восторгом Костя, зажимая второй значок в кулаке.

Печать нашлась, но её не удалось отпавить сразу в му-

зей. Получилось так, что вновь избранный в селе Паниковцы председатель сельского Совета Иван Якимец ещё месяца три пользовался исторической печатью, скрепляя ею решения исполкома сельсовета.

Только после того, как в село доставили из Львова обычные гербовые печати, реликвия гражданской войны поступила в 1940 году в Артиллерийский исторический музей Советской Армии в Ленинграде.

Будёновка

Ты не помнишь, на какой стоянке
Детство вдруг тебя переросло.
Юность на грохочущей тачанке
Ворвалась к петлюровцам в село.
И когда в семнадцать лет

впервые
Раненный, ты полз сквозь дым

и гул,
Я, малыш, на вспышки огневые,
Широко открыв глаза, взглянул.
А когда потом

Со смехом звонким
Пробирался в роще сквозь хвою,
Я нашёл на дне сырой воронки
Смятую будёновку твою.

Годы шли.

Бывало в жизни круто.

И когда отца я потерял,

В трудные и горькие минуты

Я тебя, боец, на помощь звал.

Ты вставал

В будёновке крылатой,

Освещённый вспышками огня...

Вслушиваясь в дальние раскаты,

Ты глядел сквозь годы на меня.

ДОНАТ Исаакович Мечик — ленинградский режиссёр и литератор. На сцене Академического театра драмы имени А. С. Пушкина он совместно с народным артистом СССР Л. С. Вивьеном осуществил постановку многих спектаклей, в том числе «Кремлёвские куранты» Н. Погодина, «Русские люди» К. Симонова, «Великий государь» Соловьёва.

Сейчас Д. И. Мечик вместе с режиссёром-постановщиком Я. Б. Фридом работает над созданием кинокартины «Балтийская слава».

Из истории пионерской организации

Рисунки Ю. Лобачёва

(Воспоминания режиссёра Доната Мечика)

ВЛАДИВОСТОК! Далёкий, но близкий сердцу, родной город. В нём прошла неповторимая пора моей жизни — детство.

Это были не безмятежные годы. Нет! С первых дней революции в старинный русский город на берегу Амурского залива пришли интервенты — иностранные захватчики.

Мы, мальчишки, в бессильной ярости сжимая кулаки, с ненавистью смотрели, как входят в порт американские, английские и японские военные корабли.

Если по-настоящему ненавидишь — ненавидишь надолго, на всю

жизнь. И я до сих пор помню названия неприятельских кораблей — «Ивами», «Суффолк», «Асахи», «Бруклин».

С какой враждебностью мы смотрели на марширующих по Светланке японских, английских, американских, канадских, французских солдат и матросов. С неприязненным любопытством мы наблюдали, как шотландские солдаты резким движением колен откидывали аккуратные клетчатые юбки, обнажая шерстяные чулки с отворотами, как шли надменные французские войска с ярко-красными помпонами на синих беретах.

Какой-то мальчишка в широкополой фетровой шляпе и коротких — до колен — брюках аплодировал завоевателям. Это был бойскаут.

Отряды бойскаутов создали в нашем городе американцы. Туда шли только дети богатых.

Американские захватчики всячески старались привлечь на свою сторону владивостокских ребят. Они приглашали детей в клуб «Маяк», где было много приманок для детворы. Там показывали последние американские кинобоевики с участием Эдди Полло и других трюковых артистов. Велись занятия по гимнастике, баскетболу, бейсболу и водному поло. Детей одаривали плитками шоколада. Но ребята трудящихся — владивостокских рабочих, рыбаков, матросов, мелких ремесленников — не шли в «Маяк». Мы, отцы которых проливали кровь на фронтах гражданской войны, поклялись отомстить иностранным захватчикам.

Ребята нашей улицы — русские, китайцы и корейцы — собрались как-то в закоулке двора и дали торжественную клятву вместе с красноармейцами сражаться на баррикадах.

Мы пришли к внутренней стороне наших ученических форменных тужурок и гимнастёрок небольшие красные ленточки. И в то тревожное время между нами почти не возникало ссор из-за какой-нибудь вечной, как мир, причины — например, из-за красивого фантика или диковинной монеты.

24 октября 1922 года я проснулся рано утром: в окно настойчиво стучал мой товарищ — кореец Володя Цой.

— Японцы уходят! — волнуясь, сообщил он.

Мы бросились в порт. Последние корабли захватчиков, густо дымя трубами, уходили в море.

На следующий день в город должны были войти части Красной Армии.

Самые горячие головы из нашей компании очень жалели, что в городе не было боя. Им очень хотелось выполнить клятву и сразаться с захватчиками на баррикадах.

В шестом часу дня со Светланки — главной улицы города — донеслись звуки духового оркестра. Я выбежал на улицу, повесив на грудь красный бант, любовно сшитый матерью.

Со всех улиц, наклонно расположенных к центру города, тысячи людей устремились на Светланку, чтобы по хорошей русской традиции хлебом и солью встретить воинов-освободителей.

Стройные воинские колонны двигались непреклонно и нескончаемо. От каждого воина веяло какой-то суровой непримиримостью. Кто-то запел «Интернационал». Народ подхватил гимн. Неорганизованный, но мощный голос тысячной толпы, казалось, заполнил всю главную улицу и, как бы ища простора, устремился туда, где за горизонтом колыхалось бескрайнее море.

В это время в театре «Золотой рог» рабочий с красной лентой че-

рез плечо выступал с трибуны и требовал передать власть Советам.

Мы, мальчишки, конечно, тоже не молчали — ходили по улицам и звонко выкрикивали: «Да здравствует Красная Армия!»...

Быстро летело время... Как-то в школу пришли парни в новых кожаных куртках — комсомольцы с «Дальлеса». Один из них, по всем приметам вожак, сказал:

— А ну, ребята, к нам в Дальлес! Там создаётся пионерский отряд.

Мы, конечно, не заставили дважды повторять это приглашение.

Так возник 25-й отряд при комсомольской ячейке Дальлеса. Он состоял из учеников нашей школы, которая находилась в здании бывшей женской Зелёной гимназии.

Каждый раз собирались на новом месте — не было постоянного помещения. Всем отрядом явились как-то к секретарю ячейки.

— Безобразие! Даёшь помещение!

Секретарь развёл руками: «Где, мол, взять его?»

Комсомольская ячейка арендовала для пионерского отряда комнату в частном доме на Семёновской улице.

Мы сразу соорудили эстраду. Долго ломали голову, какой повесить лозунг. Принесли несколько томов Карла Маркса. Раскрыли

книгу. В глаза бросилось: «Жизнь без труда — воровство, без искусства — варварство». Эти слова написали на красном полотнище, которое укрепили над эстрадой.

Выпустили стенную газету «Слово ленинца», вывесили её в коридоре школы.

В газете появилась заметка: «Соберём средства на самолёт «Приморский юный пионер».

Мы первыми создали в городе ячейку Общества друзей советского кино.

Собирает воспитатель ребят, выступает с беседой на антирелигиозные темы. Ведь ещё совсем недавно занятия в школе начинались с молитвы — закон божий был обязательным предметом.

После воспитателя выступает кто-нибудь из нас, пионеров. И вот какой-нибудь курносый Колька держит примерно такую речь:

— стыдно, ребята, ходить в церковь. Красные воины свергли царя, буржуев и их союзника — бога. Религия — опиум для народа. Да здравствуют юные безбожники!

Раз в неделю в школьном зале выпускали живую газету. В каждый номер газеты включались: короткое вступительное слово на политическую тему, театральная инсценировка, доклад, стихи, концертные номера. В заключение выступали сатирики Бим-Бом.

Мой товарищ Серёжа Козубенко выступал в роли Бима. Он ловко играл на балалайке и имел приятный голос. Я же был Бомом.

Мы пели куплеты, высмеивая недостатки товарищей.

Петь я не мог — не было слуха — и поэтому произносил речитативом только заключительные сатирические строки, выстукивая ритм спортивными булавами по венскому стулу, подвешенному к шее.

Наши живые газеты проходили при переполненном зале, а сатирические выступления Бим-Бомы пользовались большим успехом.

Как-то после одного выступления ко мне с Серёжкой подходят двое незнакомых мужчин...

— Здравствуйте! Мы — артисты Бим-Бом.

Серёжка незаметно толкает меня в бок, но я не обращаю никакого внимания и отвечаю:

— Извините, но мы с Серёжкой — Бим-Бом.

Незнакомцы рассмеялись:

— Очень приятно познакомиться с нашими владивостокскими двойниками. Разрешите представиться — Вильтзак и Радунский.

Оказалось, что незнакомцы — настоящие, знаменитые Бим-Бом, которые, приехав во Владивосток на гастролы, узнали, что у них есть подражатели, и пришли в школу, чтобы посмотреть на нас.

Я рассказал артистам Бим-Бом, что сам сочиняю репертуар. Они попросили меня что-нибудь написать для них. Я был очень горд этим литературным заказом. И, помню, несколько дней ходил с высоко поднятой головой и рассеянным взглядом.

Для Бим-Бом я сочинил маленькую шутку. Артистам она понравилась, и они исполнили её на концерте в театре «Золотой рог».

Время шло быстро. Я даже не заметил, как подошёл торжественный день, когда мне и моим друзьям должны были надеть пионерские галстуки.

В те годы не каждый пионер носил галстук. Это надо было заслужить! Галстук повязывали лишь тем пионерам, которые выполняли все поручения отряда, вели себя примерно, хорошо учились, пользовались авторитетом среди ребят. К тому же, совет отряда требовал рекомендацию от классного воспитателя.

У меня хранится пожелтевшая от времени справка, выданная воспитателем. В ней сказано:

«Ученик 7-й группы I Центральной 9-летней школы Донат Мечик является в группе одним из активных учащихся, организованным и примерным по своему поведению и выдержке.

Групповод 7-й группы,
преподаватель П. ЕРОФЕЕВ».

И вот после очередного номера живой газеты несколько пионеров, в их числе и я, выстроились вдоль

Слева — Бим (Серёжа Козубенко);
справа — Бом (Донат Мечик).

сцены. На торжество пришли все учащиеся школы.

Ко мне подошёл вожатый Ваня. Я поднял правую руку и взволнованно начал: «Я, юный пионер Союза Советских Социалистических Республик, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю...»

Сердце моё учащённо билось. Я никого не видел. Как будто издалека до меня донеслась торжественная мелодия — играл духовой оркестр. Я ощутил на своей шее пионерский галстук.

Так нас, первых пионеров, принимали в детскую коммунистическую организацию.

После смерти дорогого и любимого вождя Владимира Ильича Ленина пионерской организации было присвоено имя Ленина.

7 апреля 1925 года в пять часов вечера открылась Владивостокская конференция детской коммунистической организации. Мне вручили мандат красного цвета, и я отправился на конференцию. В повестке дня первым пунктом значилось: «Законы и обычаи юных пионеров — заветы Ильича».

Делегаты выступали горячо. Этот вопрос нас особенно волновал. Ведь среди школьников было много детей богатых рыбопромышленников, владельцев магазинов.

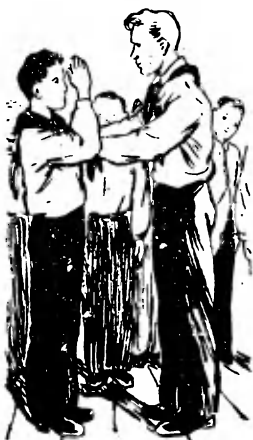
Буржуйские сынки враждебно относились к нам. Они не желали с нами дружить, не ходили с пионерами на экскурсии, бойкотировали кружки. Каждый день мы слышали от них угрозы.

Однажды вечером, после выступления в живой газете, я вместе с двумя друзьями поздно вечером вышел из школы. Мы должны были отнести пионерское знамя в помещение нашего отряда. Было темно. Завывал ветер.

Вдруг из-за угла вышла шайка великовозрастных хулиганов в низко надвинутых на лоб фуражках. Мы их — бывших бойскаутов — узнали сразу.

Один из них выдвинулся вперёд, протянул руку:

— Отдай знамя! — И скверно выругался.

Я ещё сильнее сжал древко. Оба моих друга тоже крепко обхватили древко флага.

— Ни за что! — твёрдо ответили мы. — Убирайтесь!

Хулиганы напали на нас. Началась свалка. Над клубком сплетённых тел в сумерках вечера алело пионерское знамя.

— Отступайте к школе! — скомандовал Серёжа Козубенко под градом сыпавшихся со всех сторон ударов.

С большим трудом внесли знамя в школу. Но прятать его не стали. Поставили на балкон — пусть развеивается! — и остались охранять его.

Утром с гневом и возмущением пионеры обсуждали выходку классового врага. Составили план действий.

После уроков весь отряд вышел на улицу. К нему присоединились многие школьники. Впереди колонны встал детский духовой оркестр.

Под маршевую музыку двинулись на гору, к бывшей Коричневой гимназии, в которой учились хулиганы, посягнувшие на знамя.

К БОРЬБЕ ЗА РАБОТУ НАШЕГО ОТЯДА

Детская Коммунистическая Организация имени В. И. Ленина

МАН

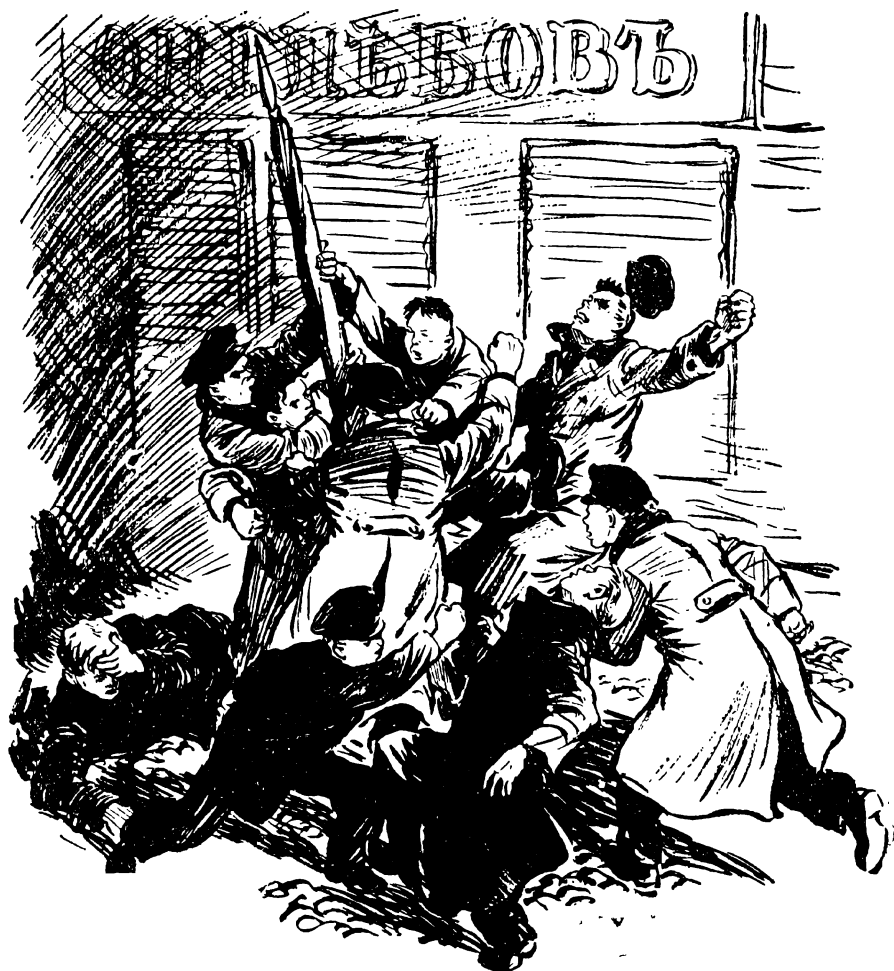

ДАТ

№ 16

Председатель сего Михаил Холм
делегат на 2-ю райконференцию Детской Коммунистической
Организации имени В. И. Ленина, первого Владивостокского
горрайона Р. Л. К. С. М. от отряда № 12
с правом решающего голоса.

Председатель мандатной комиссии Владимир
Секретарь комиссии Григорий

Подошли к зданию. Загородили всю улицу. Послали парламентёров. Те предложили бывшим бойскаутам выйти на улицу и, если у них действительно есть смелость, честно подраться один на один с каждым из нас троих. Но хулиганы не согласились и, улучив подходящий момент, трусливо бежали через задний двор.

Пионерский отряд я считал своей второй семьёй. Туда мы приходили со всеми горестями и радостями. Делились личными планами и мечтами. Я писал стихи и не раз читал их в отряде. Отряд — мой первый критик и редактор.

Я был пикором (пионерским корреспондентом) Хабаровской областной газеты «Знамя пионера». Ребята посоветовали мне послать стихи в газету. Я послушался. В газете на-

печатали моё стихотворение. Позже я стал печататься в дальневосточных газетах и даже в московском журнале «Барабан».

Чаще всего я писал стихи о китайских и корейских ребятах. Писать на эту тему мне посоветовали друзья из отряда.

Незавидна и тяжела была до революции жизнь наших китайских и корейских сверстников. Они нищенствовали и голодали, ютились в жалких лачугах на «Миллионке» — так назывались китайские кварталы.

Мой товарищ кореец Володя Цой как-то сказал:

— Вырасту, поеду в Корею. Русские рабочие — для нас пример. Мы у себя свергнем угнетателей-японцев.

После этого разговора я пришёл

домой и написал стихотворение о корейчонке.

*Маленький, забавный корейчонок
Встретился мне как-то во дворе.
Мне хотелось закричать:*

«Ребёнок,

*Вижу будущее в тебе!»
У ребёнка чёрненькие глазки,
Пухлый, точно слива, рот.
Как картинка из корейской*

сказки,

*Он стоял у сломанных ворот.
А отец его, старик кореец,
С маленькой козлиной бородой,
Далеко в Японии, робей,
Клонится над рисом и травой.
Маленький, знакомый корейчонок,
Выросший в советской стороне!
Я кричу, кричу тебе: «Ребёнок,
Вижу будущее в тебе!»*

Помню, подбежал однажды ко мне мой дружок — китаец Тя По-тэ, радостный, счастливый:

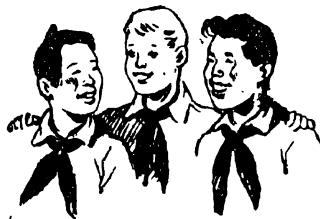
— Донат, я перевёл на китайский твоё стихотворение о Чан-зе. — И он начал декламировать.

Содержание стихотворения таково: у китайской девочки умер отец. Она пошла на завод просить работу. Но хозяин её не принял.

*Чан-за ждала работу,
Ждала тёплый ответ. .
Он показал на ворота,
Ворота сказали: «Нет!»
Чан-за ходила снова,
Снова не знала «Да».
Сердце сказало: — Злоба.
Злоба сказала: — Борьба!*

Пионеры старались завязать крепкую дружбу с китайскими и корейскими ребятами. Приглашали их на концерты, экскурсии, давали интересные книги.

....Прошло много лет. У меня появились новые друзья, другие привязанности. Мы часто собираемся. Среди моих гостей — пожилые дяди — режиссёры, литераторы, актёры. Спорим на литературные темы, говорим об искусстве. И я всегда чувствую, что многими своими взглядами обязан моему первому, несравненному воспитателю — 25-му пионерскому отряду при комсомольской ячейке Дальлеса.

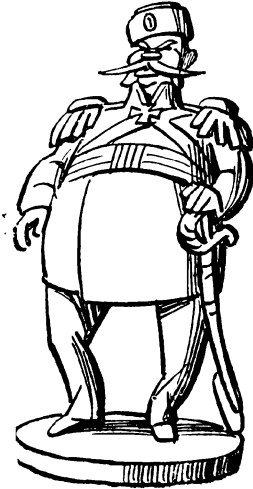

Музей Перепуткина

1. Закончив последнюю
Запись в тетради,
Ребят во дворе
Собирает Аркадий.
— Я сделал музей, —
Поясняет он строго, —
Его экспонаты
Руками не трогать.
2. Вот царь, —
Перепуткин проводит
указкой, —
О нём вы, наверно,
Слыхали из сказки.
Но только не в сказке,
А вправду, ребята,
В рабочих стрелять
Приказал он солдатам.
3. Здесь графы, бароны —
Сиятельный сброд, —
Царю помогавшие
Грابتь народ.
Все жили в дворцах,
Позолоченных залах,
А дети рабочих
Ютились в подвалах.
4. Умел генерал
С подчинёнными драться,
Учил зуботычиной
Он новобранцев.
А встретившись
С красногвардейским
полком,
Бежал генерал
От него босиком.
5. А это — помещик.
Сидел он в усадьбе.
Выдумывал, как бы
Крестьян обобрать бы.
И тех, кто не выплатил
К сроку оброк,
Слуга на конюшне
Безжалостно сёк.

6. Вот видите — толстый
С цепочкой и бантом.
Его называли тогда
Фабрикантом.
Он фабрик хозяин.
На фабриках этих
Со взрослыми рядом
Работали дети.

7. А эта фигура —
Богатый купец.
Обычно товаров
Гнилых продавец.

8. Жандармов народ
Ненавидел не зря —
Они охраняли
Дворян и царя.
А всех, кто боролся
За дело народа,
На каторгу гнали
Богатым в угоду.

9. Кулак в картузе,
Сапогах и поддёвке.
Крестьян-бедняков
Он обманывал ловко.
За хлеба краюху
В селе бедняки
На год нанимались
К нему в батраки.

10. Но грянул, ребята,
Семнадцатый год.
Всех этих грабителей
Выгнал народ!
Пока объяснял
Перепуткин ребятам,
Фигурки исчезли
Бесследно куда-то.
И вдруг рассмеялась
Вокруг детвора —
Фигурки утащены
В угол двора.
Старается Компас
Под хохот друзей:
Землёй засыпает
Царя и князей!

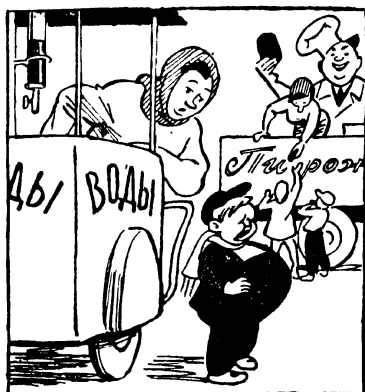

Весёлая демонстрация

(Рисунки М. БЕКТАШЕВА)

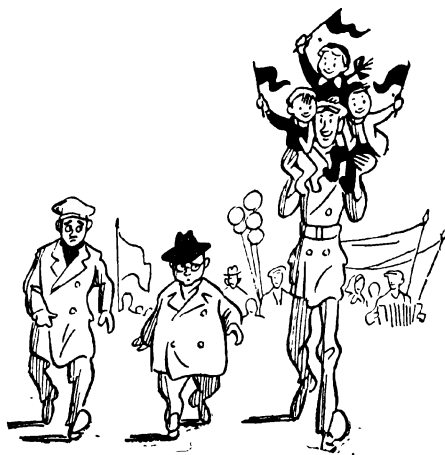
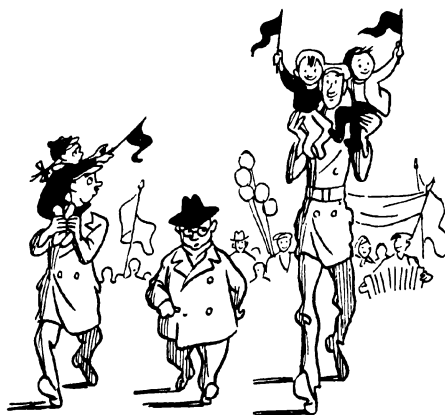

«Дирижёры»

Закусили

УСТРОИЛИСЬ

НЕДРЕМЛЮЩИЙ ЛЕС

(Главы из повести)

Содержание предыдущих глав

Володька и его друг Коля Гайшин во время оккупации фашистами Брестской области собирали для партизан брошенное оружие. В дом Гайшиных приходили партизаны, и они, чем могли, помогали им. Не раз доставлял Коля в соседнее село Ивацевичи, где находилась немецкая комендатура, листовки.

В Ивацевичах в полевой госпиталь привезли раненых немцев. Это были те фашисты, которых встретил Коля, когда возвращался с задания. В них стрелял из дробовика Ванюша. Один из фашистов от потери крови умер, а второму доктор Краммер сделал операцию.

Доктор обратил внимание на странные осколки свинца.

Через некоторое время к фашистскому уполномоченному Эриху Вайнеру, который был прислан для борьбы с партизанами, явился немецкий солдат Отто. Он доложил, что в госпиталь поступил раненый, в которого стреляли партизаны из неизвестного оружия. Солдат уверял, что это новая ручная пушка. Вайнер немедленно направился в госпиталь. Началось следствие.

Коля теперь регулярно возил молоко в Ивацевичи. Козич забирал молоко и перепродавал его немцам. Варвара доставляла привезённые Колей в бидоне с молоком листовки на конспиративную квартиру.

Шли дни. Наступила весна. Мальчик решил сходить в Яблонку, где жила Еленка. Там он встретил Петруся — брата Еленки, партизана.

Петрусь собирался в дорогу. Коля спросил:

- Далеко?
- Работу искать, — ответил Петрусь.
- На фрицев работать будешь?
- А хоть бы и на фрицев.

От обиды к горлу подкатил комок. Коля бросился вон из избы. Еленка побежала на крыльцо, оклинула Колю, но он не обернулся. Она вернулась, бросилась на кровать и заплакала.

Лукошко с яйцами

КОЛЯ с нетерпением ждал связных из отряда. Часами просиживал он у окошка, ложась спать только после строгого окрика матери. Спал тревожно и чутко, ожидал условного стука.

Продолжение. Начало см. №№ 2-3—9

Но связные не появлялись.

Лес окутался светло-зелёной дымкой молодой листвы и, казалось, дремал, нежась в солнечных лучах.

В поле начали пахать на коровах. Лошадей в селе не было: их отобрали немцы в первые дни оккупации. Запряжённые в плуги коровы шли медленно, останавливались, не понимая, чего от них хотят. Над их ото-

щавшими за зиму крупами то и дело свистели хворостины.

Свежие борозды были чёрными, маслянистыми и пахли тёплой влагой и солнцем. К вечеру они подсыхали и становились пепельно-серыми.

В саду зацвели яблони. Цветы были чистые, белые и розоватые, как снег на закате. По вечерам сад был напоён их сладким ароматом.

А связные всё не приходили.

Коля нервничал. Невесёлые мысли не давали покоя. Ведь он был свидетелем предательства, чёрного, непостижимого предательства. Товарищ Мартын, Алексей, отряд и не знают там, в лесу, что Петрусь предал их и ушёл к фашистам.

Может быть, отряду грозит беда. Может быть, уже идут по лесным дорогам каратели, сжимают вокруг лесного лагеря смертельное кольцо. Может быть, уже перерезаны все просёлки и тропы и поэтому нет связных?

Мысли эти мучительны, неотвязны. Они мешают есть, спать, думать о чём-нибудь другом. Кроме гнева и тревоги, они рождают горькую обиду: как могла Еленка — Еленка! — заступиться за предателя, даже если он и родной брат!

Из Ивацевичей доходили слухи, что Петрусь по вечерам играет в пивной возле станции. Что над пивной повесили вывеску на немецком языке. Что Петруся на работу устроил Козич, и Петрусь старается всюю, и даже комендант Штумм им доволен.

Слухи эти были достоверны. Добравшись до Ивацевичей, Петрусь разыскал Козича и долго беседовал с ним. Расстались они довольные друг другом.

На следующее утро Козич посетил домик за колючей проволокой. Вайнер был занят, и Козичу пришлось ждать. Потом его ввели в кабинет. Вайнер встретил его стоя.

— Господин Козич, — сказал он холодно, — только что я разговаривал по радио со ставкой. — Он сделал паузу. — Фюрер недоволен вами, фюрер требует дела.

Козич побледнел от волнения.

— Я кое-что...

— Мне вас жаль, Козич, — усмех-

нулся Вайнер. — Мне всегда жаль людей, которыми недоволен фюрер! — Глаза его сделались печальными, будто он уже стоит перед сырым холмиком на могиле Козича.

— Мы их поймем... Мы их всех поймем... Пан Вайнер может быть уверен... Ко мне пришёл верный человек... — быстро зашептал Козич побелевшими губами и отёр ладонью выступившую на лбу испарину.

— Садитесь, — сказал Вайнер и опустился в мягкое кожаное кресло.

Козич сел, как обычно, на краешек стула.

— Рассказывайте всё по порядку и подробно. И не влиайте, Козич. Помните: фюрер вами недоволен.

Козич вцепился обеими руками в шапку.

— Мы их поймем... — хрипло сказал он. — Пришёл верный человек оттуда, из лесу.

— Фамилия?

— Борисевич... Петрусь, Борисевич...

Вайнер записал.

— И что же он рассказывает?

— Сто двадцать партизан в лагере. Оружия нет. Есть нечего. Самогон пьют.

— Где?

— Между Яблонкой и Житлином.
— Кто командир?
— Лейтенант какой-то. Алексеем зовут... А фамилия неизвестна.

— Пьют самогон?.. — Вайнер удовлетворённо потёр руки. — Гут. Хорошо. А что этот... Петрусь Борисевич делал в лесу?

— Жил. Его чуть ли не силком уволокли. И ещё — испугался великую германскую армию.

Вайнер засмеялся:

— А что, Козич, разве она так уж страшна?

— Сила, пан Вайнер! — почтительно ответил Козич.

— Этот Борисевич сможет повести наших солдат в лес?

— Поведёт.

— Он кто? Крестьянин?

— Гармонист.

— О-о-о! Музыкант. Пусть пока поиграет в бирзале.

— Слушаюсь.

— Каковы дороги в лесу?

— Сейчас нету дорог. Пану Вайнеру известны наши болота...

Вайнер поморщился:

— О-о-о, да! Болота — дрянь.

— Гниль... Но скоро подсохнет. И тогда вы возьмёте партизан голыми руками.

Вайнер посмотрел на свои руки, несколько раз сжал и разжал пальцы.

— Если я их возьму, фюрер будет награждать вас, господин Козич, железным крестом.

Козич вскочил со стула и вытянулся:

— Премного благодарен.

— Можете идти, Козич.

— Слушаюсь...

Козич попятился и вышел из кабинета, толкнув дверь задом.

Это было везенье, удача, которая сама далась в руки.

Целая зима напрасных усилий, и вдруг с неба свалившаяся удача! Козич восплаал нежными чувствами к Петрусью, поил его пивом, добродушно похлопывал по спине, устроил на работу в бирзал — пивную.

С пяти часов вечера и чуть не до утренних петухов растягивал Петрусь меха своей гармони. Выучил песенки, что распевали немецкие солдаты, наигрывал марши и вальсы.

Изредка в пивную заходил Штумм. Обычно он напивался дома в одиночестве или с кем-нибудь из офицеров. Но иногда шёл в пивную. При входе коменданта наступала тишина. Хозяин — маленький, рыжий, невзрачный человек из прибалтийских немцев — бросался навстречу, чтобы лично принять шинель и фуражку начальства.

Штумм приходил на излюбленное место в углу возле стойки. Перед ним ставили бутылку коньяку, кружку пенистого пива и десяток сосисок.

Когда Штумм напивался, он вытаскивал из кобуры пистолет и стрелял в лампочки под бурные аплодисменты присутствующих. Не было случая, чтобы он промахнулся.

Когда обойма разряжалась, Петрусь с баяном подходил к Штумму и играл на высоких ладах любимую песню коменданта «Ах, мейн либер Аугустин...» Штумм хрипло подпевал. Потом двое автоматчиков брали его под руки и бережно вели к машине.

Козич настоял на том, чтобы Петрусь поселился вместе с ним у Варвары. Он сделал это не столько из нежных чувств, сколько из боязни, что Петрусь исчезнет так же внезапно, как и появился. Тогда — конец, Вайнер этого не простит.

Петрусь оказался жильцом тихим, спокойным, даже деликатным. Но Варвара будто не замечала его... Ненависть к Козичу она распространяла на всё, к чему тот прикасался. Она ненавидела деревянную расписную ложку, которой он хлебал щи, и его фаянсовую миску, и нож со сломанным черенком. Она ненавидела его одежду — валенки, шапку, шубу, даже икону, на которую он молился, даже край стола, за которым он сидел. Эта ненависть крепла с каждым днём. Если бы не ребяташки, не страх за

их судьбу, Варвара, наверно, убила бы жильца ухватом или топором, или вилами — всё равно чем.

Петрусь ладил с Козичем. Козич привёл его в дом, и Варвара распространила свою ненависть на Петруся.

Иногда Петрусь замечал на себе её косой взгляд и невольно съёживался, будто к голому телу приложили холодный брусок металла.

А Козич ходил за Петрусем неотступно, будто связаны они прочной невидимой нитью. Он провожал Петруся в пивную и сидел над кружкой пива до самого закрытия, чтобы потом сопровождать его домой. Он просыпался по ночам и вслушивался в дыхание спящего на лавке Петруся. По утрам он сидел под образами и ждал, когда Петрусь проснётся.

А за окном вставало весеннее солнце. Над селом плыли легкие утренние туманы. Подсыхала земля.

Как-то за завтраком Петрусь сказал:

- Жутковато тут, в Ивацевичах.
- Чего так?
- Пристукнуть могут из-за любого угла.
- Кто?
- Известно, партизаны.
- Да откуда ж они тут возьмутся? Они сюда и носа не кажут. Тут, Петрусь, гарнизон! — сказал Козич убедительно и поднял крючковатый палец.

Но Петрусь уловил в его голосе тревожные нотки. Он наклонился к Козичу и прошептал:

- Я вчера одного на улице видел... Козич вздрогнул.
- Чего ж не крикнул, патруль не позвал?
- Попробуй, крикни! Он как-ка кинет гранату!
- У него и гранаты были?
- А кто его знает? Может, и были. В штанах или за поясом.

У Козича затряслись губы.

— В ту среду у войта всё начальство соберётся. План сделают и двинут на них окайнных!

— Поскорей бы!.. — вздохнул Петрусь.

— Нам, слышь, по железному кресту обещано и денег куча.

— Да ну?..

— Всё от нас с тобой зависит. Про нас Вайнер уже фюреру самому лично доложил.

В глазах Петруся появилось неподдельное весёлое изумление.

— Неужто самому фюреру?

— Вот те истинный! — Козич перекрестился на образа. — Мы с тобой, как паны заживём!

Варвара метнула на Козича такой злобный взгляд, что Козич осекся.

— Ты чего, Варька, зеньки вылупила? — крикнул он петушиным голосом. — Иди, свиней накорми!

Варвара хлопнула дверью.

— Стерьва! — крикнул ей вдогонку Козич, потом спросил Петруся: — На базар пойдёшь?

— Неохота. Поспать бы. Вчера господин комендант самолично стаканчик поднёс. Голова трещит.

— Ну-ну, ну-ну!.. Сосни малость. Да на улицу не ходи. Ещё опять кого встретишь! Вместе пойдём.

Козич, крихтя, надел шубу и шапку и ушёл.

Петрусь прилёг на лавку. Голова действительно болела невыносимо. Коньяк, который налил ему вечером Штумм, был крепок, отдавал клопами, и сейчас ещё Петруся немного мучило от одного воспоминания о нём...

Вскоре вернулась Варвара, загромычала в сени вёдрами. Петрусь встал, вышел в сени и плотно прикрыл дверь в избу.

— Варвара Петровна, — сказал он тихо.

— Ну? — Варвара отшатнулась.

— Вы тётю Катю знаете?

Варвара молчала.

— Ту самую, к которой Коля молоко возил? — Петрусь тихо засмеялся. — Да вы не молчите...

— Ну, знаю... — ответила Варвара.

— Дойдите до неё. Скажите: «Петрусь просил на среду яиц наварить». Запомните?

— Запомню.

Петрусь открыл дверь, вернулся в хату и снова улёгся на лавку. Следом вошла Варвара, остановилась в дверях, посмотрела на Петруся и вдруг сказала:

— Может, вам кваску жбанчик подарить?

— А что? Не худо бы. С хмелья.

Дремлющим кажется лес. В безветрие не шелохнётся нежно-зелёное кружево берёз. Спят недвижные тёмные размашистые ели. На десятки вёрст протянулись непроходимые топи — болота, сонные кочки в мёртвой ржавой воде. Только по утрам над ними медленно клубятся сизые туманы, будто ворочаются во сне сказочные чудища. Тихо кругом, до жути тихо. Даже птицы молчат. Даже белые облака замерли над лесом в голубизне неба.

Дремлющим кажется лес. Сотни, тысячи видимых и невидимых тропинок пролегли через него в разных направлениях — на Ивацевичи, на Телеханы, на Дрогичны, на Берёзу. Нет-нет да и хрустнет сухая ветка, звякнет где-то затвор винтовки, осыпятся с ели сухие иглы. Видимыми и невидимыми тропками идут партизанские связные, идут на задания удар-

ные группы. Лес скрадывает звуки, и запахи, и сухие дымки костров. Скрадывает, прикрывает своей тишиной. Дремлющим кажется лес.

Ванюша вёл Алексея прямо через болота. Сапоги намокли, стали тяжёлыми и так сжали ноги, что Алексей с удовольствием снял бы их и пошёл босиком. Уж лучше студёная вода болота, чем такая мучка. Но снять сапоги нельзя. Босиком далеко не уйдёшь — ноги изрежешь, да и сапоги подсохнут на солнце, съёжятся — наденёшь их потом!

Хлюп-хлюп, с кочки на кочку. Кочки, будто зыбкие живые островки. Ступишь — и ушли под воду, а потом всплывают за спиной, и тотчас расправляется чуть примятый сапогом мох. Болото прячет следы.

Иногда, чтобы передохнуть, партизаны выбирают кочку поплотнее, возле тонкой берёзы. Встанут на кочку и держатся за ветви. Ветви гнутся, мутят листовую тяжёлую воду. Пойдут партизаны дальше — выпрямятся ветки, исчезнет рябь с воды. Лес прячет следы.

По последним данным разведки в

Яблонке нет ни одного вражеского солдата, поэтому Ванюша вывел Алексея прямо к селу, несмотря на то, что было ещё совсем светло. На опушке остановились, внимательно вгляделись в избы — на всякий случай.

Потом Алексей решительно махнул рукой:

— Пошли!

Солнце спряталось за лесом, но край неба был ещё светел, и Коля издали увидел знакомую фигурку в синем пальтишке и белом платке. Фигурка энергично шагала по дороге прямо к избе Гайшиков.

У Коли ёкнуло сердце, и тотчас поднялись откуда-то из глубины души мысли о предательстве и горечи и обида. Так всплывает на поверхность реки оглушённая толлом рыба.

Коля нахмурился, сжал кулаки, круто повернулся и ушёл в избу.

Сестрёнка, с которой он играл «в камешки» возле крыльца, испуганно посмотрела ему вслед.

Коля молча вошёл в избу и сел на лавку.

— Ты чего набычился? — спросил Василий Демьянович.

— Ничего, — буркнул Коля. Он смотрел на пальцы отца, держащие острый сапожный ножик и небольшой кленовый брусочек. Кисть и пальцы двигались легко. И прямо на глазах кленовый брусочек превращался в ложку.

Но Коля не замечал чудесного превращения. Он думал о том, что скажет Еленке, когда она войдёт. Жестокие и обидные приходили слова.

Дверь тоненько скрипнула и вошла Еленка в сопровождении Нины, разматала платок на голове, сказала:

— Вечер добрый!

— А-а-а, стрекоза! — улыбнулся Василий Демьянович. — Что скажешь хорошего? По делу или в гости? — он отложил ножик и ложку в стору.

— По делу.

— Садись.

Еленка села рядом с Василием Демьяновичем, положила руки на колени и взглянула на Колю, сидящего у окна. Тот отвернулся.

— Вы чего? Поссориться уже успели? — удивился Василий Демьянович.

Еленка покраснела.

— У нас гости в избе.

Коля насторожился.

— Не дойдёте до нас, чаю выпить?

— Чаю?.. — Василий Демьянович встал и потянулся. — Что ж, пройду маленько. — Он прошёл к двери и снял с гвоздя ватник.

Коля понял, что за гости у Борисевичей. Во что бы то ни стало им надо рассказать о Петрусе!

— Я тоже пойду!

— А тебя не звали, — обрезал отец, — как говорится, незванный гость...

— Мне надо!..

— Чего?

— Надо... Повидаться с гостями.

— А почём ты знаешь, какие гости у них?

— Знаю...

— Сиди дома, — строго сказал Василий Демьянович, — больно много знать стал.

— Мне надо, батя! — упрямо повторил Коля.

Василий Демьянович нахмурился:

— Если чего надо, — я передам...

Коля молчал.

— Ну?

— Пускай она уйдёт, — буркнул Коля, кивнув на Еленку.

Та вспыхнула, закусила губу, на глазах появились слёзы, и она выбежала в сени, хлопнув дверью.

— Да что у вас стряслось? — сердито спросил Василий Демьянович.

— Петрусь, брат её, — предатель. Он из леса к немцам ушёл. В пивной играет.

— Ну и что?

— Надо предупредить партизан. Ведь он выдаст!

— Вот оно что! — Василий Демьянович положил руку на плечо сына. — Понятно. Теперь понятно. Ты не бес-

покойся, сынок, я их предупрежу. Непременно.

Коля вздохнул. Отец вышел, и Коля видел в окно, как он и Еленка зашагали рядом в сторону Яблонок.

Вернулся Василий Демьянович поздно. Но Коля не спал, лежал на постели с открытыми глазами, ждал отца. Василий Демьянович снял ватник, тихонько прошёл через избу и сел возле стола.

— Сказал, батя?

— Сказал, сказал... Вот что, Никола, — отец подсел на край его постели, — завтра пойдёшь в Ивацевичи, понесёшь молоко.

Коля кивнул.

— Кого б где ни встретил — виду не подавай. С тобой Еленка пойдёт. Яйца понесёт продавать.

Коля нахмурился.

— И не дуйся. Не твоего ума дело. Пойдёте вдвоём.

Еленка зашла за Колей, когда только начал брезжить рассвет. Коля быстро оделся, выпил стакан молока с куском хлеба. Знаменитый бидон сунули в заплечный мешок. И ребята двинулись в путь.

Первые полчаса шли молча, не глядя друг на друга. Мешок с бидоном, показавшийся было лёгким, стал тяжелеть, лямки даже сквозь ватник врезались в плечи. Правая лямка почему-то всё время сползала. Коля то и дело приостанавливался и поправлял её.

В одну из таких коротеньких остановок Еленка спросила:

— Тяжело?

— Донесу...

— Давай лямку поправлю.

— Обойдусь.

Еленка пожала плечами.

— Чудак!.. Дальше — хуже будет.

Коля и сам понимал, что лямку нужно укоротить. Через несколько минут он остановился. Неуклюже повёл плечами, сбрасывая мешок со спины. Сердито сопя, стал перевязывать лямки.

Еленка молча смотрела на него, держа в руке берестяное лукошко с крупными, одно к одному, яйцами.

Перевязав лямки, Коля сунул в них руки, пытаясь водворить мешок на место. Рукава ватника задралась.

Лямки упорно не хотели лезть на плечи. Коля попытался ещё с минутку, но, наконец, буркнул:

— Помоги-ка. Не видишь?

— Вижу.

Еленка бережно поставила лукошко на сухой бугорок и помогла Коле надеть мешок. Двинулись дальше.

— Хотя бы спасибо сказал...

— Спасибо.

— На здоровье...

Снова шли молча. Из-за поля в ярко-голубое небо поднялось солнце. Заискрились в молодой изумрудной траве крупные капли росы.

Когда вышли на шоссе, Еленка нарушила молчание:

— Придём скоро... Ты на меня не дуйся. Я ж ни при чём! А Петрусь не выдаст. Поиграет в пивной — и только. Может, так надо...

Коля взглянул на Еленку. Лицо её серьёзно, глаза хмуры.

Коля видел: чем ближе Ивацевичи, тем больше волнуется Еленка. Даже щёки покрылись розовыми пятнами, будто корь у неё.

— Ой, Коленька, голубчик, только бы лукошко они у меня не отобрали! — вдруг сказала она жалобно.

Коля по-взрослому сдвинул брови:

— Не отберут. Ты только виду не подавай, что боишься. Дай им по яйцу. Я им каждый раз молока отливал. Однажды прямо в ихнюю каску...

Когда подошли к немецкому посту, лицо Еленки было спокойно, только чуть побледнели губы да потемнели большие серые глаза.

Двое солдат стояли возле будки у обочины шоссе и смотрели на приближавшихся ребят. Лицо одного из солдат показалось Коле знакомым.

Мальчик подошёл к солдатам, скинул шапку и сказал:

— Гутен абенд.

Солдаты осклабились.

Тот, со знакомым лицом, сказал:

— Гутен морген, морген...

— Гутен морген, — охотно повторил Коля.

— Гут, гут... — сказал солдат.

Потом лицо его смешно вытянулось, он побарабанил скрюченными пальцами по Колиному мешку:

— Млеко?..

— Молоко, молоко, господин офицер.

— О-о-о!.. Гут, гут... —

Солдат вошёл в будку и вернулся с котелком. Коля скинул мешок, развязал его и, открыв крышку бидона, налил в котелок молока. В котелке были остатки какой-то каши и рыбы косточки.

«Ну, и свиный же!» — подумал Коля. Он подошёл к Еленке, подмигнул ей и, взяв по яйцу в руки, обернулся к солдатам.

— Во, держите...

— О-о-о, яки! — воскликнул солдат и завращал глазами, как клоун в цирке. Он схватил яйца, прижал их к уху и тоненько записал:

— Ци-ип, ци-ип, ци-ип...

Второй солдат засмеялся.

— Ауфвидерзеен, — поклонился Коля. И, взяв мешок в руки, двинулся, не оборачиваясь, в посёлок. Еленка шла рядом.

Была среда. Возле управления войта стояло несколько лошадей под седлом и запряжённых в брички. К двенадцати часам съезжались старосты крупных посёлков.

Вайнер приказал собрать их, чтобы получить информацию и объяснить, как перекрыть дороги партизанам, лишить партизан возможности получать продукты. Лесные дороги подсохли, и Вайнер решил, что пора перейти к активным действиям.

Он не очень доверял старостам и не собирался открывать им свои планы. Но познакомиться с этими людьми поближе, прощупать их, считал необходимым.

Старосты собирались. Козич тёрся среди них, перекидываясь с некоторыми словом, другим. На него смотрели с почтением. Здесь он был как бы личным представителем самого го-

сподина Вайнера. Вот соберутся все старосты и он пойдёт докладывать начальству:

— Все, мол, в сборе...

В половине двенадцатого к управлению войта подошла девушка в синем пальто с короткими рукавами и в белой платке. В больших серых глазах таилась робость и смущение. В руках она бережно держала за-

вязанное в платок лукошко. Между концами платка виднелись уложенные в лукошко крупные, одно к одному, яйца.

Девчушка робко подошла к полицейскому, дежурившему возле дверей:

— Пан начальник, а пан начальник, чи не можно мне дойти до пана войта?

— А зачем?

— Работы ищу.

— М-м-м... Завтра приходи...

— Далеко больно!

— Это откуда ж далеко?

— Из Белевичей.

Полицейский присвистнул.

— Може, допустите до пана войта? — жалобно попросила девчушка.

— Нельзя сегодня, говорю. Советование у них.

Девчушка вздохнула.

— А може, хоть кто из писарчуков? А? Мне ж только насчёт рабо-

ты узнать. Я и гостинца принесла... — девчушка кивнула на узелок.

— Гостинца?.. Чего у тебя там? Творог, что ль?

— Яйца... Крупные.

— Покажи.

Девчушка приоткрыла лукошко. Полицейский заглянул.

— Гусиные?

— Самые что ни на есть курьи.

— Курьи?.. Здоровы куры.

Девчушка проворно достала из лукошка два яйца и сунула в руку полицейскому.

— Берите. Пробуйте.

— М-м-м... Спасибо. Иди вон по коридору направо. Там найдёшь кого-нибудь.

Девчушка вошла в управление и свернула вправо, потом повернула назад и, прошмыгнув мимо двери, тихонько побрела по коридору, читая надписи на дверях.

(Продолжение следует)

Верный друг

Вы, конечно, видели портрет этого человека. У него огромный лоб, пышная шевелюра, большая борода, мудрые и добрые глаза. Это Карл Маркс. Рабочие всех стран знают и любят его, как великого революционера и мужественного учёного. Капиталисты ненавидят Маркса.

Он первый со своим другом Энгельсом доказал, что рабочие лишь тогда станут свободными и счастливыми, когда возьмут власть в свои руки. Сорок лет назад трудовой народ России поднялся по зову Ленина и его товарищей на штурм старого мира. Так впервые заветы Маркса воплотились в жизнь на одной шестой части земного шара.

Маркс всю жизнь боролся за рабочее дело. Много у него было товарищей-революционеров, отважных и благородных людей. И ещё известно, что Карл Маркс был верным другом ребят. Как бы ему ни было трудно, как бы он ни был занят, он всегда находил время играть с детьми, говорить с ними по душам обо всём, что их интересовало. И очень горевал, когда дети попадали в беду.

Вот три примера, рассказывающие о его отношении к ребятам.

НОЖИК

В 1895 году австрийские рабочие решили попросить дочь Карла Маркса Элеонору написать воспоминания об отце. Элеонора согласилась. Среди других фактов ей припомнилось, как везде, где бы их семья ни жила — в трущобах Сохо на Дин-стрит или на окраине Лондона в Мейтланд-парке, у её отца всегда появлялись приятели среди соседских ребят.

Элеоноре запомнился такой случай. Они жили тогда на окраине Лондона. Карл Маркс прогуливался в сквере недалеко от дома. Одет он был, как обычно в то время одевались небогатые лондонцы, — в сюртук и узкие брюки из недорогой ткани. Когда кто-нибудь из прохожих обращался к нему, он отвечал без запинки на английском языке. Только усы и большая борода, которых англичане в те годы не носили, выдавали в нём иностранца: Маркс вынужден был уехать из Германии, где его преследовала полиция.

Он шёл, опираясь на трость, глубоко задумавшись. Лицо его было суровым.

— Меняем ножики?

Перед ним стоял мальчуган лет десяти.

Маркс улыбнулся.

Видимо, он хорошо знал правила игры, потому что немедленно полез в карман, вытащил перочинный нож и раскрыл его: было видно два лезвия. Мальчик протянул свой ножик: в нём оказалось всего одно лезвие. Зато оно было, по мнению его владельца, «самое острое в Лондоне». И мальчик доказал это. Выдернув волос с головы, он рассек его ножичком.

Глядя, как безуспешно старается рассечь волос своим ножом Маркс, мальчуган даже фыркнул:

— Да вы его, наверное, тысячу лет не точили.

— Ну уж, тысячу...

— А что... Вот, глядите...

И одним из лезвий он провёл по ногтю своего большого пальца... Оба внимательно осмотрели ноготь. Ничего похожего на след не было.

— Разве это ножик? Чтобы наточить его, надо уплатить ещё шиллинг!

Мальчик явно кривил душой. Он отлично знал, что точильщик возьмёт с него не больше полпенни... Но и Маркс не собирался давать себя в обиду.

Однако факт был налицо — лезвия его ножа были тупы. И в придачу к ножу мальчик оказался обладателем пенни.

Маркс и мальчик обменялись рукопожатием, как полагается настоящим людям после честно завершённого спора или матча бокса. И, заложив руки за спину, Маркс пошёл дальше по аллее Мейтланд-парка, унося нож с «самым острым в Лондоне лезвием».

— Молодчина «Красный доктор»! Всегда по справедливости поступает. Не то, что ты. Видел?

И мальчик поднёс к носу стоявшего рядом приятеля свой трофей...

Если бы кто-нибудь спросил его, почему его знакомого называют «Красным доктором», он не сумел бы ответить. Этого человека называли так в квартале все взрослые. Он знал, что «доктор» вовсе никого не лечит. Просто это значит, что он учёный. А красный, наверно, потому, что защищает бедняков.

Маркс шёл домой, снова о чём-то задумавшись. За ним на некотором расстоянии неотступно следовал один из прохожих. Он останавливался, будто разглядывая витрины, прятался в толпу и начинал отставать, когда впереди показались пустыри Мейтланд-парка: полицейские шпики неотступно следили за «красным доктором».

Огибая кучи щебня, скользя по глине, прилипающей к ногам, «доктор» подошёл к дому № 41. На дощечке, прибитой к двери, было написано:

«Доктор Карл Маркс».

Он поднял молоток, висевший на цепочке, прикреплённой к двери. Она отворилась, кто-то весело закричал:

— Папа пришёл!..

...Стемнело. Маркс, писавший что-то у себя в комнате, отложил перо, зажгёт лампу. Потянулся. Полез в карман за сигарой и вытащил... перочинный ножик. Он поднёс его к глазам. На лезвии была выдавлена какая-то фамилия.

Маркс знал: это не фамилия мальчика. И не того, кто сделал этот ножик. На лезвии была выдавлена фамилия фабриканта. Хотя именно у него было меньше всего прав на это.

ТРИ ХЛЕБЦА

С ТЕХ пор как Маркс стал революционером, он жил в бедности. Иногда её можно было назвать нищетой. Сам часто голодный, Маркс мучился оттого, что впроголодь жили жена, дети, хотя они никогда не жаловались на нужду, не хныкали. Даже самый младший — пятилетний Муш — держался стойко. Ему тоже очень не хотелось, чтобы его друг Мавр, как называли дома отца, огорчался.

Однажды, это было в конце апреля 1853 года, Муш играл с соседскими ребятами на улице. В те годы на Дин-стрит, неподалёку от дома, где жила семья Маркса, стояла таверна «Красная шапочка». Позади неё, на небольшом пустыре, были нагромождены ящики, бочки. Здесь было очень удобно играть...

Играли в войну. Размахивая деревянным мечом, Муш — худенький мальчик с большой головой и весёлыми озорными глазами — отчаянно нападал на «противника». Тот всё отступал и, вероятно, обратился бы в бегство, если бы кто-то из ребят вдруг не крикнул:

— Муш, к вам булочник!

В самом деле: к подъезду их дома подходил толстый мужчина с корзиной, полной разного хлеба...

Что делать? Булочника нельзя впускать к ним... И, повернувшись, Муш побежал ему навстречу.

— Добрый день! Как поживаете? Я беру только три хлебца...

Муш выпалил это так быстро, что булочник заморгал глазами:

— А дома ли господин Маркс?

— Нет, его нет наверху...

И, схватив под мышку их обычную порцию — три хлебца, Муш стрелой помчался вверх по лестнице. Вбежав в квартиру, он захлопнул дверь, набросил крючок и только после этого перевёл дух. Вчера они должны были заплатить этому торговцу за хлеб, взятый за неделю. Но Муш отлично знает, что дома сейчас нет ни одного пенни. Он подошёл к столу и положил хлеб рядом с большой миской. В ней лежало несколько картофелин. От голода у него засосало под ложечкой.

Муш вздохнул. Потом, отщипнув кусок корки от одного хлебца, вошёл во вторую комнатушку.

Спиной к двери, за столом, заваленным множеством книг, сидел отец. В комнате холодно, но он был без сюртука. Увлечённый своей

работой, он только изредка поёживался. Иногда вставал, ходил по комнате, чтобы согреться, и снова продолжал писать. Его сюртук отнесли к «дяде». Так жители их квартала называли человека, сидевшего в доме, над которым были прикреплены три больших золотистых шара. Здесь, в ломбарде, всегда стояла длинная очередь. Сюда бедняки из близлежащих улиц приходили получить займы немного денег. В залог они оставляли какую-нибудь хорошую вещь.

Муш знал: уже все хорошие вещи его родители заложили. Значит, мама снесла последнее, что можно было снести,— единственный сюртук папы.

Мальчик тихо подошёл к отцу. Маркс обернулся:

— А, сынок!..

Муш сбивчиво сообщил о разговоре с булочником. Маркс молча положил руку на плечо сына и прижал его к себе.

Среди писем, полученных Фридрихом Энгельсом, сохранилась записка, написанная на следующий день после этого происшествия Женни фон Вестфален, женой Маркса:

«Лондон, 27 апреля 1853 г.

Дорогой г. Энгельс!

Мне страшно неприятно обращаться к вам по денежным делам. Вы нам, право, уже слишком часто помогали. Но на этот раз я не знаю никакого иного спасения, никакого выхода...

Булочник заявил, что с пятницы перестанет отпускать хлеб. Вчера его атаку отбил Муш. Когда булочник его спросил: «Дома ли господин Маркс», он ответил: «Нет, его нет наверху» и, схватив под мышку наши три хлебца, стрелой умчался наверх и там рассказал всё это своему Мавру.

Будьте здоровы.

Женни МАРКС».

От недоедания, от того, что жить приходилось в сырых, холодных комнатах, сам Маркс, жена, дети часто болели. И порой не было денег, чтобы позвать врача, купить лекарство.

Не удалось спасти и маленького Муша. В 1855 году, когда ему исполнилось семь лет, он тяжело заболел. Но как бы ему ни было больно, малыш крепился, старался улыбнуться. От волнения слегла мать. Маркс, забросив работу, просиживал ночи у постели Муша. Он старался развеселить его, развлечь. А у самого от тревоги за сына сердце обливалось кровью. Он видел, что Муш угасает. И ничем не мог ему помочь.

6 апреля 1855 года Муша не стало. Он умер на руках у Маркса между 5 и 6 часами утра.

В эту ночь голова Маркса стала седой. Несколько дней он не хотел видеть никого из товарищей. Не хотел слышать ни от кого утешений. Он лишь находил в себе силы побыть немного с больной женой. И только ещё одному человеку он поверил своё горе — другу Фридриху Энгельсу. В письме от 12 апреля 1855 года он писал ему:

«...Дом, разумеется, совершенно опустел и осиротел со смертью дорогого мальчика, который оживлял его, был его душой. Нельзя выразить, как не хватает нам этого ребёнка на каждом шагу. Я перенёс уже много несчастий, но только теперь я знаю, что такое настоящее несчастье...

При всех ужасных муках, пережитых за эти дни, меня всегда поддерживала мысль о тебе и о твоей дружбе и надежда, что мы вдвоём сможем сделать ещё на свете что-либо разумное.

Твой К. М.»

ВОСКРЕСЕНЬЕ

МАРКС очень много работал; до глубокой ночи не гас огонь настольной лампы за его столом. И всё же стоило только ребятам зайти к нему в комнату, как начиналась шумная и весёлая возня.

В обычные будние дни они не тревожили папу. Зато воскресенье было для них самым весёлым днём недели. В этот день ребята не давали отцу работать. Об этом они договорились с мамой. Надо же было, чтобы Маркс хоть изредка отдыхал.

Воскресного дня его дочери Женни и Лаура начинали ждать с понедельника. И едва солнце извещало о наступлении долгожданного дня, как небольшие человечки мгновенно вываливались из тёплых постелей. Быстро натянуты лифчики, платья, штанишки.

Теперь — на разведку. Командует Женни — она самая старшая. Ей как-никак одиннадцать лет.

Разведчики добираются до двери в маленькую комнату. Если нажать на дверь чуть-чуть, она откроется без шума. Тогда можно на носках тихо прокрасться во внутрь...

Так и есть. Отец уже за столом и пишет... Раздаётся воинственный клич. Маркс не успевает вскочить с кресла, как оказывается в плену.

Теперь играть!

Дочери Маркса вспоминали, какие интереснейшие игры умел он придумывать. И как сам играл в них по-настоящему.

Обычно с утра отправлялись в поход. Правда, мама называла это прогулкой. Для неё Хемпстедские луга, куда они шли, может быть, казались мирным местом. Что же касается Женни и Лауры, то за каждым холмом, за каждым кустом их ждал либо вражеский разведчик, либо страшный зверь, от которого нужно спасти людей. И тогда, вскочив на коня, надо мчаться вслед. А разве можно уйти от такого могучего и послушного коня, как их папа.

Кто не успевал вскочить на плечи к отцу, скакал рядом на коне-невидимке.

Возвращались домой вечером. Ноги, так бодро и весело бегавшие по лугам, на обратном пути становятся непослушными. Тяжёлые, вялые, они еле-еле передвигаются. Но очень стыдно попроситься на руки. А до дому ещё целая миля... И тут раздавался голос отца:

— Итак, в тот раз наш Ганс Рекле...

Ноги, словно по волшебству, переставали капризничать. Маркс рассказывал незаконченную в прошлое воскресенье историю Ганса Рекле. Удивительная это была история.

Ганс Рекле — владелец игрушечной лавки. Кого только в ней не было — деревянные куклы, великаны и карлики, короли и королевы, рабочие и хозяева, животные и птицы. В маленькой лавке умещались ещё столы и стулья, разные ящики и даже экипажи. Да, Ганс Рекле был волшебник. И лавка была волшебная. Но, несмотря на то, что Ганс был волшебник, он никак не мог распутаться с долгами. То у него требовал долги булочник, то мясник. Ганс очень любил обитателей своей лавки. Но чтобы расплатиться, он против воли должен был их продавать хитрецу и жулику — дьяволу.

Но игрушки были волшебные. И поэтому после самых необычайных приключений, иногда очень страшных, а чаще всего весёлых, они всегда возвращались в лавку к своему доброму другу Гансу...

Дети знали, что папа сам каждый день придумывает похождения весёлого Ганса Рекле. Но его приключения так интересны и сам Ганс такой весёлый и ловкий, что с папой очень легко идти хоть три мили. Ещё бы послушать, но они уже дошли до дому...

А день ещё не кончился. Быстро съеден обед. Можно выйти из-за стола? Глаза вопросительно смотрят на маму. Мама разрешает. Тонкие голоса говорят спасибо. Дети ставят на место стулья, поспешно относят на кухонный стол посуду. Как будто всё...

Женни и Лаура бросаются в комнату отца. Мгновение — и они, поджав ноги, сидят на старом скрипучем диване рядом с Марксом. О чём пойдёт разговор? Да мало ли о чём... О школьных делах. О честных и нечестных поступках учеников. О прочитанных книгах и их «хороших» и «плохих» героях. И ещё о разном, разном... С Марксом можно было делиться, как с другом, потому что он по-настоящему переживал то, что ему рассказывали. А потом снова начинались игры. Конечно, в их маленьких комнатках нигде было по-настоящему разгрататься. Но отец находил выход: в руках его появляются бумага и ножницы. Аккуратными квадратиками нарезает Маркс бумагу. Потом начинает складывать её. Один раз. Потом ещё... ещё... Ребята поняли: кораблики! Ура! А море! Где взять море?

— Как где? — удивляется отец. — А большой таз на кухне... Мама же даст его.

Мама смеётся:

— При одном условии — я тоже буду играть с вами.

Скоро большой таз установлен на табурете. Его наполняют водой почти до краёв. Один за другим Маркс отправляет в плавание кораблики. Затем их разделяют на эскадры. На одной те, кто за справедливость. На другой — их враги. На море начинается волнение. Корабли вступают в бой. В жестокий бой. Вдруг от снаряда, ловко пущенного Марксом, вспыхивает огонь на одном корабле. Затем на втором, третьем... На эскадре тех, кто за справедливость, команды руками Лауры и Женни, не жалея себя, гасят огонь. А корабли противника при всеобщем восторге идут на дно...

Который уже час? Девять? Всё. На сегодня игры закончены... И спустя немного вре-

мени Женни и Лаура крепко спят. Завтра им в школу. Завтра у них снова трудовой день.

Трудовой день? Улыбка исчезла с лица Маркса. Завтра его дети, пусть не очень сытые, направятся в школу. А сколько в мире десятилетних мальчиков и девочек, которые пойдут по другой дороге? Он видел этих детей. Видел на фабриках, в мастерских Англии.

Разве он мог забыть то, что рассказывал о себе, например, Вильям Вуд? Мальчику было девять лет. А начал он работать, когда ему исполнилось 7 лет и 10 месяцев. Он носил товар. Вильям должен был являться на работу, когда школьники ещё спят — в 6 часов утра. А кончать? Тоже, когда они спят — в девять часов вечера...

Джонни Ляйтборну было 13 лет. Как он говорил?

— В прошлую зиму мы работали до 9 вечера, а позапрошлую до 10 часов. Прошлой зимой я кричал почти каждый вечер от боли в ногах. На них появились язвы...

Был записан у Маркса и рассказ отца одного из таких ребят — лондонского рабочего Джорджа Эспден:

— Когда моему мальчугану было семь лет, я ежедневно носил его туда и обратно на спине по снегу, и он работал обыкновенно по 16 часов!.. Часто я становился на колени, чтобы накормить его, пока он стоял у машины, так как ему нельзя было ни уйти от неё, ни остановить её.

Обо всём этом Маркс рассказал впоследствии в своей знаменитой книге «Капитал».

...Маркс садится за письменный стол. Зажигает лампу под зелёным абажуром. Берёт в руки перо. Надо работать. Сегодня он провёл день с ребятами. Но он наверстаёт упущенное. Нельзя терять времени.

В Лондоне, в Париже, в Петербурге, в каждом городе, где имеются заводы и фабрики, которые принадлежат капиталистам и купцам, есть тысячи и тысячи Вилли Вудов, Джонни Ляйтборнов...

Разве они не хотели бы ходить в школу, как другие дети? Они не могут этого сделать. Отчего? Оттого, что их родители — рабочие. Они сами рабы тех, кто заставляет трудиться на себя их детей.

Маркс знал: так будет до тех пор, пока будут капиталисты.

И всю свою жизнь вместе со своим другом Фридрихом Энгельсом, вместе с другими коммунистами он боролся за то, чтобы уничтожить строй, при котором одни люди живут за счёт других, когда есть хозяева и рабы. Он боролся за то, чтобы у всех ребят на земле было светлое детство.

СВЕРШИЛОСЬ самое сказочное. Над Землёй — две Луны: одна большая и старая, а другая молоденькая и совсем крошечная — первый в мире искусственный спутник, созданный советскими учёными и инженерами.

Как же удалось превратить алюминевый, отполированный до блеска шарик в крошечную Луну?

Великий русский учёный Константин Эдуардович Циолковский ещё в молодости мечтал о дерзких полётах на планеты, о сооружении огромных спутников — целых небесных островов, на которых люди могли бы жить не хуже, чем на океанском научно-исследовательском корабле. Неутомимый труженик создал науку о движении ракеты в пустоте мирового пространства, первым предложил заменить слабый порох могучим жидким ракетным топливом, изобрёл детали и приборы будущего звездолёта.

Учёные давно знают, что если бы ракете удалось сообщить скорость в 11,2 километра в секунду, то она порвала бы оковы земного тяготения и

улетела в межпланетное пространство. А что будет, если скорость несколько уменьшить и ракету заставить двигаться параллельно земной поверхности?

Когда скорость достигнет восьми километров в секунду, предсказывал Циолковский, а высота будет такова, что

воздух не помешает длительному полёту, то ракета не улетит от Земли, но и не упадёт. Она станет искусственным спутником Земли, оборот за оборотом будет вечно обходить земной шар и никогда не сойдёт со своей орбиты, подобно Луне, которая стремится лететь по прямой, но этому постоянно мешают могучие силы земного притяжения.

Долго и труден был путь от мечты к реальности. Но он пройден самой передовой в мире — советской наукой, самой могучей нашей техникой. Над земным шаром с космической скоростью несётся удивительное тело, ставшее из земного небесным. Изумлённые жители Земли стремятся увидеть его глазами, а если уж не увидеть, то хотя бы услышать по радио. Ведь такого дива никогда ещё не было!

Чем легче искусственный спутник, тем проще забросить его за пределы атмосферы. Американцы, например, готовятся весной 1958 года запустить в небо спутник весом в 10 килограммов. Советские учёные не только

опередили их по времени, они пошли гораздо дальше: наша маленькая Луна имеет в поперечнике 58 сантиметров и весит 53,6 килограмма.

Чем тяжелее спутник, тем труднее разогнать его до космической скорости. Ведь каждый лишний килограмм веса спутника требует килограммов четыреста добавочного ракетного топлива!

Как же советским учёным удалось запустить спутник?

Выручило изобретение Циолковского. Он первый предложил сделать ракету составной, многоступенчатой. Нижняя ступень ракеты, самая большая, израсходовав в полёте своё горючее, отделяется и падает на землю, а работу начинает следующая, которая наполовину была вложена в первую. Затем приходит очередь падать второй ступени... Постепенно, с выгоранием топлива и сбрасыванием опустошённых баков или ступеней, будет, конечно, уменьшаться и вес ракеты. Значит, она полетит всё быстрее и быстрее.

Ракета построена. Точнее, снаряд, соединивший в себе несколько ракет. Остаётся вложить в этот снаряд алюминиевый шар, снабжённый радиостанцией и запасом электрической энергии на долгий срок, и можно запускать. Но как запускать? Какое направление придать ракете-носителю?

Она должна сорваться с места и лететь прямо вверх, чтобы поскорее пробить самый плотный воздух. Достигнув стратосферы, укоротившийся снаряд по сигналу с Земли плавно поворачивает на восток и от этого манёвра получает большой выигрыш в скорости. Ведь Земля быстро вращается с запада на восток. Для средних районов Советского Союза скорость её вращения достигает 1000 километров в час. Ясно, что спутнику очень выгодно воспользоваться ею, как кораблю попутным ветром.

Об этом легко говорить. Но запустить снаряд в космос на самом деле очень и очень сложно. Если ракета даст не заданную скорость, а хоть чуточку меньшую, если она хоть на малую долю градуса отклонится от за-

данного угла в момент старта и в момент выхода на орбиту, то скрытый в ракете отполированный алюминиевый шар никогда не станет искусственным спутником Земли.

Маленькая Луна! В необозримых просторах космоса она кажется меньше, чем песчинка на берегу океана. Но эта крохотная «песчинка» на самом деле настолько огромна по своему значению, что люди всех континентов не перестают на неё удивляться. Ведь это великое начало новой эры в жизни человечества — эры полётов в безвоздушном пространстве и завоевания планет.

Скоро советские учёные отправят в полёт ещё несколько новых спутников. Это будут уже более сложно устроенные «Луны». Они понесут различные измерительные приборы-автоматы. И тогда с помощью радиостанций удастся узнавать температуру верхних слоёв воздуха на свету и в тени Земли, силу солнечных лучей — ультрафиолетовых и тепловых, определять активность таинственных космических лучей. Особые микрофоны уловят слабые удары космических песчинок о корпус спутника...

Будут подняты ввысь и «пассажиры» — кошки и собаки. Приборчики, привязанные к животным, сигналами передадут пульс и давление крови, дыхание и нервное состояние «астронавтов». Так учёные надеются получить много ценных сведений о том, как переносит живой организм разгон ракеты, каково его самочувствие, когда он ничего не весит.

Быстро прорезая небо, новые «Луны» будут пронесены в различных направлениях и на разной высоте над всеми странами. Наука обогатится необычайно. Будет уточнена форма Земли, удастся ещё лучше изучить причины магнитных бурь, нарушающих радиосвязь. Радиофицированные спутники явятся и прекрасными наблюдателями земной поверхности, а это даст возможность лучше предсказывать погоду, точнее составлять географические карты. Люди как бы со стороны, из мирового пространства, станут следить за движением облаков по лицу Земли, дрейфующих льдов в Арктике и Антарктике. Словом,

земные спутники окажутся незаменимыми помощниками учёных. Искусственные «Луны», заброшенные на высоту в полторы — две тысячи километров, уже никогда не упадут вниз и на самом деле окажутся вечными...

А когда же космическое пространство станет обитаемым для человека? Когда он осуществит извечную свою мечту о межпланетных путешествиях? И эта надежда Циолковского, конечно, сбудется. Случится это не так скоро. Пройдёт, вероятно, несколько десятилетий, прежде чем построят настоящий космический

остров, реющий вблизи Земли.

Это будет летающая научная станция с населением в несколько десятков человек. Научные лаборатории, обсерватория, мастерская, специальный «причал» для ракет «местного сообщения», клуб, врачебный кабинет, гимнастический зал, удобные и просторные жилые каюты, даже оранжерея — всё это должно быть на вечном спутнике будущего.

Для того чтобы летающая научная станция оказалась действительно вечной, её придётся строить далеко за пределами атмосферы — на высоте не менее 1700 километров. Как удастся её соорудить?

Вообразите себе трёхступенчатую ракету на старте высотой в двадцатипятиэтажный дом. Она состоит из трёх ракет, вложенных одна в другую. И каждая такая ракета имеет крылья, посадочное шасси с колёсами, имеет лётчика. Когда составная ракета выбросит целую тучу раскалённого газа, этот огромный «поезд» весом в 7000 тонн рванётся в небо. На высоте около 40 километров выгорит почти всё топливо в нижней ступени, и эта самая тяжёлая часть ракетного «поез-

да» отвалится. Планируя на крыльях и притормаживая работой двигателей, она вернётся на аэродром.

Вторая ракета доведёт «поезд» до высоты в 350 километров и тоже спланирует вниз. Через час после старта к месту необычайного строительства доберётся лишь верхняя, третья по счёту, ракета, которая несёт тридцать пять тонн строительных материалов. Эта ракета не вернётся на Землю: её корпус — тоже деталь космического острова.

Сто рейсов сделают гигантские ракеты, доставят нужные грузы. Собирать все детали воедино будут специалисты-монтажники в особых космических костюмах — скафандрах. Монтажников доставят к «строительной площадке» на особых пассажирских ракетах. Удивительное зрелище: в необозримом безвоздушном океане вдогонку за несущимися со скоростью семи километров в секунду машинами, балками, частями небесной обсерватории будущего летит ракета с людьми — первыми небесными строителями!

Рабочие «Заатмосферстроя» в космических условиях потеряют собствен-

ный вес. Для передвижения во время работы они будут пользоваться пневматическими пистолетами. Выстрелил влево, а тебя понесёт вправо!

Небесный остров будет цельно-сварным. Сварка самая удивительная. Вогнутые зеркала и линзы, собирающие в одной точке поток солнечных лучей, — вот и сварочные аппараты! В космическом пространстве солнечные лучи, собранные в «зайчик», дадут летающим сварщикам температуру в несколько тысяч градусов.

Удивительный спутник Земли появится в небе через каких-нибудь полгода после начала «высотного» строительства. Это будет как бы колесо диаметром в восемьдесят метров. Такую форму для него выбрали неспроста. Находясь в медленно вращающемся колесе-спутнике, люди обретут свой нормальный вес. Ведь при вращении такого сооружения со скоростью всего один оборот за 22 секунды создастся достаточная центробежная сила, и она прижмёт всех обитателей к внешней стенке — к «ободу» острова. А благодаря искусственной тяжести люди смогут дольше жить на спутнике, не испытывая каких-либо болезненных ощущений.

Если в трёхэтажном «ободу» спутника полезно разместить все жилые каюты и салоны для отдыха, то как раз во «втулке», в самом центре колеса, будут оборудованы обсервато-

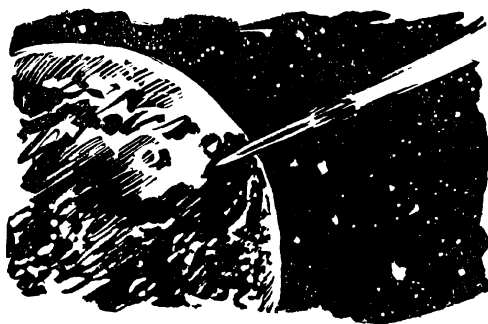
рия для наблюдения за планетами и звёздами и физическая лаборатория по изучению невесомости. Проходя по трубе-коридору от «обода» к центру острова, учёные будут постепенно терять вес и, наконец, как пёрышки, станут плавать среди своих инструментов. На время наблюдений им придётся пристёгивать себя лямками к креслам.

Строго по расписанию будут прилетать на обитаемый спутник ракеты с наземных аэродромов. Они доставят продукты и воду, кислород для дыхания, новые приборы, книги и многое другое. Часто будут прибывать на остров и экскурсанты-учёные, потому что очень заманчиво провести хотя бы краткий опыт в такой лаборатории, о какой нельзя и мечтать на поверхности планеты.

Огромный спутник окажется удобной верфью для сборки первых атомных кораблей-ракет, которые целой эскадрой отправятся на покорение далёких планет солнечной системы.

Мечта? Но ведь совсем недавно мечтой была и маленькая Луна, летящая сегодня по законам небесной механики вокруг Земли.

Если наши доблестные соотечественники превратили в реальность одну вековую мечту, то что же им помешает сделать реальностью и новую заманчивую мечту?

Судьба моря

ОЗЕРО-МОРЕ

КАСПИЙСКОЕ море... Неспроста называли так это крупнейшее на земном шаре озеро. Оно раскинулось почти так же широко, как и Чёрное море. Как море, оно глубоко, а богато так, как не всякое море.

Больше ста рек впадает в Каспийское море, а среди них и такие, как Волга, Урал, Кура, Терек... Но Каспийское море лежит в такой глубокой впадине и так она велика, что даже всем этим рекам нелегко было бы её наполнить: все сто рек должны были бы вливаться в неё в течение двухсот пятидесяти лет! Вот какое оно, озеро-море!

А слышали ли вы, что и Чёрное море было некогда озером, таким же, как и Каспий? Узкий пролив на месте нынешней Манычской впадины соединял оба моря, а полоса суши отделяла Чёрное море от Средиземного.

Всё, однако, изменилось, когда эта полоса погрузилась в воду, а морское дно между Азовским и Каспийским морями выступило на поверхность. Вот тогда связь Каспийского моря с океаном и оборвалась, и море навсегда превратилось в озеро.

В Каспийское море, точно в бассейн, ведут сто гигантских «труб», то есть рек, и ни одна река, даже речушка, не вытекает из него. Как тут не подниматься уровню моря!

Да, были такие времена, когда вода в море всё прибывала, и целые поселения с храмами, башнями и другими сооружениями уходили под воду. Так было давным-давно.

А теперь всё более широкой полосой у берегов моря обнажается дно.

Вот что произошло однажды возле Баку.

Выходя в этот день в море, рыбаки вдруг увидели груды камней. Откуда они? Здесь ведь всегда расстилалась водная гладь. Перевесившись через борта баркаса, рыбаки стали пристально разглядывать дно моря. Они увидели большие каменные плиты, обтёсанные рукой человека.

Тут уж было не до рыбы, — не каждый ведь день выпадает такой «улов», и рыбаки повернули свой баркас к берегу. Вскоре привезли они учёных и услышали от них, что в этих местах когда-то стояла сторожевая крепость. Много веков была погребена эта крепость под водой, и это её развалины постепенно поднялись над водами бухты.

ПОЧЕМУ МЕЛЕЕТ МОРЕ

С КАЖДЫМ годом всё больше мелеет Каспийское море, и всё больше меняют свой вид и его берега.

Уже исчезли с карты Каспия некоторые заливы, а обширный залив Кара-Богаз-Гол, или «Чёрная пасть», как его называют, заметно обмелел.

То здесь, то там возникают островки, а старые острова, точно наступая на Каспий, растут прямо на глазах.

Уже не плещется морская вода у многих причалов портов. Море отступило от них — здесь теперь суша.

А сколько приморских сёл очутилось на сухопутье, и сотни рыбац-

ких семей снялись с насиженных мест...

На рукава и протоки разделяются в своём устье и Волга и Урал.. И многие протоки и рукава не ведут уже в море: широкая полоса из сыпучих песков отделяет их ныне от Каспия.

Уже теперь немалые потери понесло Каспийское море. Площадь, равная поверхности Азовского моря, уже отторгнута сушей от Каспия. На недавнем морском дне, ставшем ныне сушей, могла бы разместиться вся Бельгия, с её городами, лесами, полями...

Что же случилось на Каспии? Почему мелеет море?

Мелеет море потому, что с его поверхности испаряется много воды. И с тарелки, если выставишь её на ветер, вода испаряется. А тут не тарелка — море: с большей поверхности испарение идёт быстрее.

Всё это верно. С поверхности Каспийского моря ежегодно улетучивается слой воды, весящий сотни миллиардов тонн! Но всё же никакой беды для моря не происходит, пока эту убыль покрывают выпадающие в море реки и дожди над ним... Но как только воды испаряется больше, чем её прибывает, — уровень воды в море начинает падать, а поверхность его — сокращаться!

Что только не влияет на уровень озера-моря, чего только не приходится учитывать учёным!..

Где-то на полях, может быть, и далеко от Волги, глубоко пахнут

землю, а уровень Каспия уже колеблется, пусть неуловимо, но понижается...

В чём же дело? А в том, что в глубоко вспаханную землю больше проникает влаги. Той самой, которая могла бы стать, но уже не станет достоянием Волги и моря.

А вода, накопленная в новых прудах... Эти пруды могут быть вырыты в местах, откуда воды стекают в реки, впадающие в Каспий, значит, и эти воды будут отобраны у моря.

Тёплые зимы стояли в последние годы в Ленинграде, Москве, да и в широкой полосе нашей Родины. Это потепление не случайно. По мнению учёных, оно может затянуться — ни много, ни мало — на сотню-другую лет. Но даже один год потепления сильно сказывается на Каспии.

Если температура воздуха повысится на один градус, — мы, пожалуй, этого и не заметим. Но если средняя годовая температура будет держаться выше обычной на тот же один только градус, то осадков выпадет уже намного меньше и в реках убавится воды. Заметно меньше воды вольётся и в Каспийское море.

Учёные подсчитали, что за несколько лет потепления Каспий недополучил примерно десятую часть той дани, которую несут ему реки.

Вот как влияет даже незначительное потепление! Связано оно с деятельностью могущественного светила — Солнца. Но судьбу Каспия, пожалуй, в той же мере решает и та деятельность, которую наш богатырский народ развёртывает на просторах Родины.

В честь сорокалетия Великого Октября пущены последние турбины величайшей в мире Куйбышевской ГЭС. В будущем году вспыхнут огни второго электрического исполина на

Волге — Сталинградской ГЭС. На очереди вступление в строй новых гидроэлектростанций на Волге, Каме, Уфе.

Возле каждой гидроэлектростанции возникает своё водохранилище, целое искусственное море. Волга на наших глазах превращается в цепь таких морей, в «морскую реку». «Морской рекой» становится и Кама. Волны новых морей заплещутся и у плотины Уфимской гидроэлектростанции. Но вся эта задержанная в водохранилищах вода — вода Каспия.

Много волжской воды надо нам и на орошение земель. Даже зимой мы заимствуем у Волги, а значит, и у моря, его воды. Ведь снег, если не задержать его на полях, бурными потоками сбежал бы весной в Волгу, а из неё и в море.

Скоро будем мы брать у Волги до пятидесяти кубических километров воды ежегодно.

Вот каков он, далеко не полный перечень долгов, который мог бы предъявить Каспий! Есть среди них и такие долги, в которых мы уж никак неповинны, — не прикажешь ведь солнцу припекать послабее, однако все долги Каспийскому морю должны оплатить мы сполна.

НАДО ТОРОПИТЬСЯ!

УЖЕ теперь немалый ущерб потерпели мы от обмеления Каспия, но ещё большие беды сулит нам будущее.

Кара-Богаз-Гол — это единственный в мире «химический завод» под открытым небом. В жаркое время года попавшая в залив вода так испаряется, точно не залив это, а гигантский паровой котёл. Наступают холодные дни, и растворённые в воде прозрачные кристаллы особой соли — мирабилита — выпадают из раствора.

Слой за слоем оседает соль на дне залива. Но как извлечь её оттуда? И тут вступает в действие ещё одна сила природы — ветер.

Почти треть года бушуют здесь штормы, и мощными порывами ветра соль выбрасывается на берег. Точно снег, искрится она под жгу-

чими лучами солнца. Соль легко растает с водой и превращается в очень ценное вещество — порошок сульфата натрия. Кому только не нужен этот порошок — и стекловарам и рабочим бумажных фабрик, заводов искусственного волокна, содовых, сернокислотных...

Ещё Владимир Ильич Ленин обратил внимание на величайшие запасы ценного сырья Кара-Богаз-Гола, а вот теперь химики всё чаще жалуются на обмеление моря. Оттого, что в залив-«завод» меньше поступает воды, нарушается работа «завода». А это значит, что вместо химического завода, созданного самой природой, надо строить дорогостоящие заводы по производству сульфата натрия.

Прибавилось забот и речникам — углублять протоки волжской дельты на участках, ставших непригодными для судоходства.

Всё труднее приходится и нефтяникам, добывающим нефть из-под самого дна морского, вдалеке от берегов: мелеет море — значит, легче оно промерзает. Льдины относит на юг, и они яростно наступают на нефтяные вышки.

Но больше всего бед принесло обмеление моря рыбному промыслу.

Северный Каспий издавна славился своими лучшими в мире рыбными «пастбищами». Неисчислимые рыбы стаи нагуливали здесь жир. А теперь эти подводные тучные

пастбища превращаются в бесплодную песчаную пустыню.

Пустынным для рыбного населения Каспия становится и само море. Волжские воды приносят с собой в Каспий и соли и другие вещества, которые служат пищей для морских водорослей. Бурно размножаются водоросли — есть в избытке отличный корм для мальков. Меньше волжских вод поступает в море — и голод и гибель надвигаются на рыб Каспия.

Уже теперь рыбаки вылавливают рыбы намного меньше, а с какой тревогой говорят они о рыбах, которые сохранились, главным образом, в Каспии!

Знаете ли вы, что осётры — современники тех допотопных чудовищ, которые обитали на земле этак полтора-два миллиона лет назад? Почти везде на земле, кроме нашей страны, они вымерли. Из каждой десяти осётров, поднятых на борт рыбацких судов, девять выловлено в водоёмах Советского Союза, главным образом, в Каспии. Можно сказать, что наши осётры — последние на земном шаре, а теперь и им, процветавшим тысячи тысячелетий, грозит гибель.

Такая же редкость на земле и белорыбца, и над ней, каспийской белорыбцей, нависла опасность.

Неоглядное Каспийское море — это самой природой созданный барьер от разбойничьих набегов суховея, зарождающихся в пустынях Средней Азии. Пролетая над морем, суховеи насыщаются влагой и теряют свою губительную силу.

Но Каспий не только обороняется от суховея, — он и сам наносит им чувствительные удары. Ведь поднимаясь в воздух влага выпадает дождями в горах Казахстана и Средней Азии и поддерживает жизнь горных рек. А их вода возвращает к жизни пустыни.

Не только на Запад, но и на Восток уносится ветрами влага Каспия, и это она умножает силу рек в горах Кавказа.

Очень неприятно, что мелеет Каспий!

Мы не можем спокойно взирать на то, как теряется величайшее, принадлежащее народу богатство! Но как решить эту труднейшую задачу, которую задал нам Каспий?

УЧЕНЫЕ ЗА РЕШЕНИЕМ ЗАДАЧИ

НАПРЯЖЕННО трудятся наши учёные и инженеры над судьбой Каспия, и один за другим выдвигают они проекты.

О том, что в нашей стране перегораживают плотинами реки и строят гидроэлектростанции, знает любой школьник. Но доводилось ли вам слышать, чтобы перегородить уже не реку, а целое море — от берега до берега? А именно к этому и сводится проект Бориса Александровича Аполлова, видного советского учёного, всю жизнь посвятившего изучению Каспия.

По проекту профессора Аполлова надо перегородить Каспийское море в северной его части. Это будет самая длинная дамба в мире — в сорок пять километров.

Уровень к северу от дамбы надо поднять всего до пяти с лишним метров. При этом уровне море в северной части Каспия вернётся к прежнему своему облику.

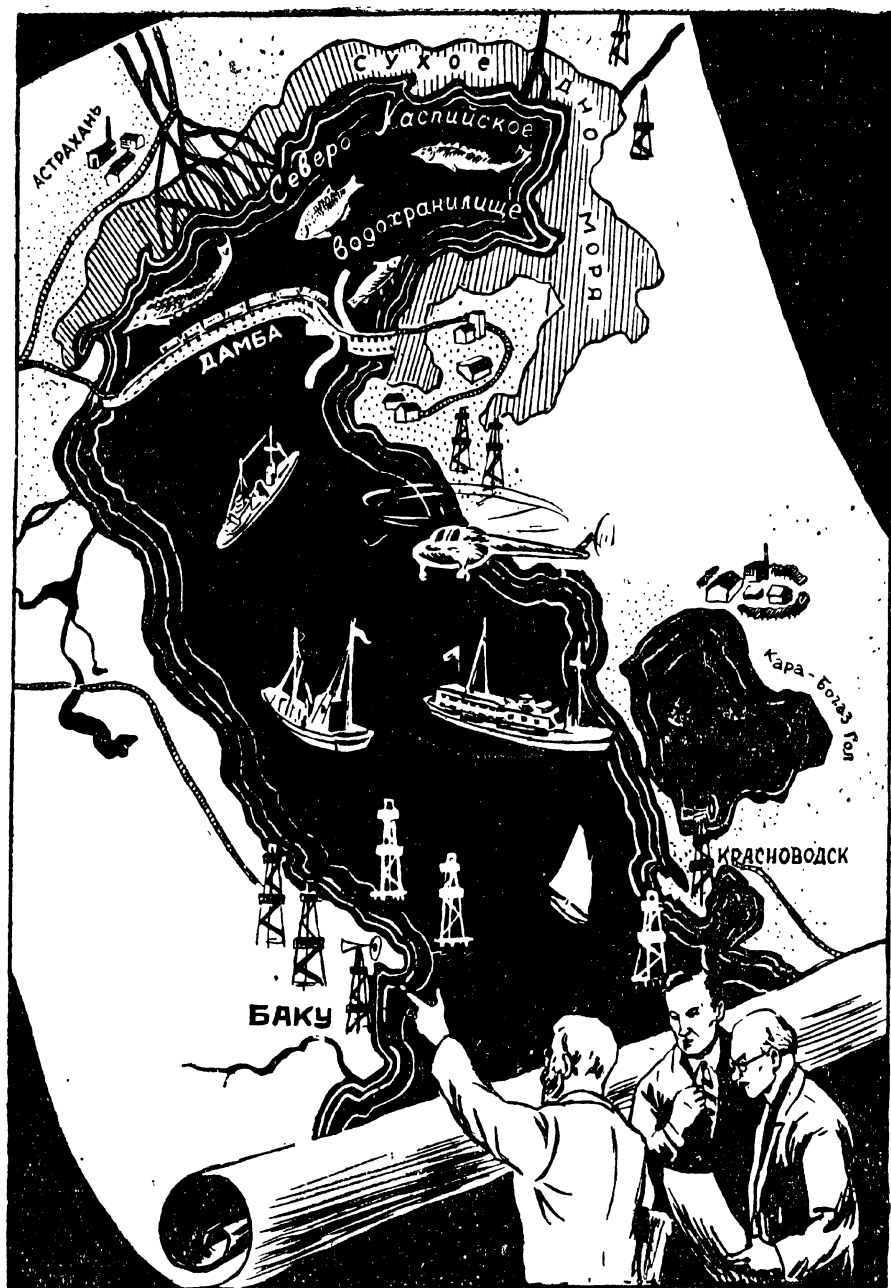
Подлинное рыбье царство — Северо-Каспийское водохранилище — появится тогда между дамбой и северными берегами Каспия.

За каких-нибудь два года можно построить этот необыкновенный вал через всё море. И всё же эта дамба — только временная мера. Ведь восстановить природные условия Каспия надо не на части моря, а на всей его площади.

Вот почему разработаны и другие проекты. Один смелее другого, они вступают в соперничество с проектом профессора Аполлова.

Тысячи километров разделяют Каспийское море и Северный Ледовитый океан. Но дело идёт к тому, что воды северных рек придут на подмогу морю.

У учёных и инженеров уже давно зреют замыслы о том, чтобы в Сибири повернуть на юг реки, впадаю-

щие ныне в Северный Ледовитый океан.

«Сибирская Волга» — так называют часто Обь, самую протяжённую в нашей стране реку. Уж само прошлое Оби подсказывает смелую мысль о её повороте.

Было время, когда эта великая сибирская река текла не на север, а на юг, но сама природа как бы

возвела на её пути высокую и широкую — в восемьсот километров — «плотину». Эта «плотина» — Тургайское плоскогорье, или Тургайские ворота. Если прорыть через плоскогорье канал, мы широко распахнём эти ворота перед сибирской водой.

Пробив путь воде через «плотину», воздвигнутую природой, мы построим свою плотину на Оби, и на

месте болот и кустарников разольётся новое море, равное по площади четырём Азовским морям.

Можно подпереть плотиной и Енисей, эту самую многоводную в СССР реку, и ещё одно голубое пятно прибавится на карте Сибири — Енисейское водохранилище. Оба водохранилища-моря сольются в одно необъятное Сибирское море.

Уже Обское море сможет стать истоком искусственной реки, более многоводной, чем Волга. Озёра на пути северных вод станут водохранилищами, и по древнему высохшему руслу Узбоя сибирские странницы потекут в Каспийское море.

Но, к сожалению, проект этот невыгоден. При осуществлении его будут затоплены большие районы Сибирской низменности — наши будущие житницы.

А не увлекаются ли наши инженеры, как бы сблизив Северный Ледовитый океан с Каспийским морем? Не проще ли взять да влить в Каспий воды близких к нему морей — Чёрного и Азовского? Ведь из Азовского моря воду в Каспий можно подать самотёком — по Манычской впадине, которая отделяет русскую равнину от Предкавказья.

Нет, не годится этот проект, хоть и кажется очень заманчивым. Воду в Каспий надо добавить, чтобы спасти рыбное население моря, а воды, вливающиеся в него из Азовского и Чёрного морей, не спасут, а погубят рыбные промыслы.

Почему?

Опасны для рыб, собственно, воды Чёрного моря, но если начать забирать воду из Азовского моря, то придут в движение и глубинные слои воды в Чёрном море. А они отравлены ядовитым газом — сероводородом. Эта мёртвая вода и принесёт с собой гибель рыбному населению.

Взглянем на карту севера нашей Родины, на ту её часть, где сближаются в своих верховьях три реки — Кама, Вычегда и Печора. Сейчас через болота и леса текут они в стужённые моря Ледовитого океана. Но можно перегородить эти реки плотинами, и тогда в их истоках привольно разольётся новое море. От него надо прорыть канал к Каме, и драгоценная влага начнёт своё дальнейшее путешествие к Каспийскому морю.

Вот этот замысел, возникший у ленинградских инженеров, признан наиболее удачным.

МОГУЩЕСТВЕННЫЕ силы природы, но, решая судьбу Каспия, советский человек смело мерится с ней силами.

Правильное решение — не обороняться от природы, а наступать на неё.

Правильное решение — не только уберечь богатства моря, но и приумножить их.

Седой Каспий на благо нашего народа будет жить и здравствовать!

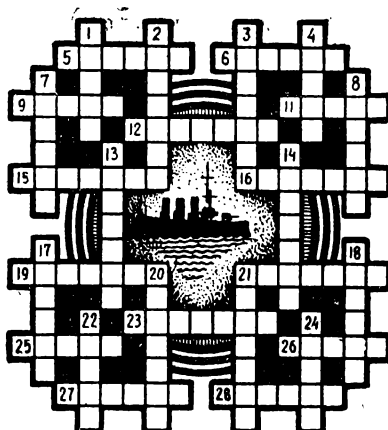

Отдел ведёт
В. Аментьев

КРОССВОРД

По горизонтали. 5. Октябрьской социалистической революции. 19. Человек, любящий своё отечество, преданный своему народу. 21. Представительное собрание в дни Французской буржуазной революции конца XVIII века. 23. Отборные войсковые части. 25. Шахматная фигура. 26. Средство переправы через реку или озеро. 27. Горная порода — ценный поделочный камень. 28. Шинель, свёрнутая для ношения через плечо.

По вертикали. 1. Самый маленький

пионерский коллектив. 2. Место для выступления ораторов на собраниях, митингах и т. п. 3. То, что дал Великий Октябрь трудовому народу. 4. Герой труда. 17. Герой гражданской войны, легендарный комдив. 18. Фотография. 20. Слово — обращение, принятое гражданами Советского государства. 21. Оценка, разбор — определение достоинств и недостатков. 22. Эмигрант революционного движения. 13. Балтийского флота, доблестно охранявший морские подступы к Красному Петербургу. 24. Фабричное клеймо.

РЕБУС

Уголок Занимательного МИРОЗНАНИЯ

Ответы на вопросы первой серии

1. Надо покачать несколько раз чайник. Это ускорит перемешивание нижних, более нагретых слоёв воды с верхними, более холодными, и приблизит момент окончательного закипания.

2. Воздух несомненно окажется тяжелее. 1 м^3 воздуха на уровне моря весит почти $1\frac{1}{3}$ кг, следовательно вес воздуха в комнате площадью в 20 м^2 (при высоте $3\frac{1}{2}$ м) будет примерно равен 90 кг.

3. Для этого число нужно умножить на два, а результат снова удвоить.

4. Даже «сухие» дрова в полостях древесины содержат влагу; при нагревании она обращается в пар, который своей упругостью с треском разрушает стенки полостей.

5. Только вечером! Утренний серп луны обращён выпуклостью влево.

6. В районе Ленинграда — в 13 часов. (В СССР часы переведены на 1 час вперёд. Мы живём по так наз. «декретному времени»).

7. Земной шар вращается в восточном направлении, следовательно в восточных районах солнце встаёт раньше, чем в западных.

8. На 13 часов 1 минуту (в календарях продолжительность дня указывается для Москвы, где разница меньше).

9. 20.000 километров (общая окружность Земли — большой круг — 40.000 км).

В. И. ПРЯНИШНИКОВ,

учёный секретарь Ленинградского отделения Астрономического геодезического общества АН СССР.

АРИФМОГРАММА

1	2	3	4	5	6	◆
7	8	9	10	◆	11	12
13	14	◆	15	16	17	18
19	◆	20	21	22	23	24
25	◆	26	27	28	29	◆

Впишите в клетки, в соответствии с номерами, буквы нижеследующих семи слов.

3, 27, 20, 1, 9, 16 — корабль, стоящий на Неве на вечном приколе.

2, 18, 15, 8, 13 — добровольное спортивное общество.

29, 12, 17, 14 — принадлежность труда чертежника или художника.

22, 25, 7 — произведение И. С. Тургенева.

10, 6, 28, 19 — домик для пчёл.

11, 21, 24, 5 — лошадь малорослой породы.

4, 23, 26 — знак, важная продовольственная культура.

ВТОРАЯ СЕРИЯ

1. В каком пункте СССР всего раньше начнётся праздник 40-й годовщины Великой Октябрьской революции?

2. Почему праздник ОКТЯБРЬСКОЙ революции отмечается в НОЯБРЕ?

3. Где сегодня взошло солнце и где оно зайдёт? (Не торопитесь с ответом: «взошло на востоке, зайдёт на западе»).

4. Какое редкое астрономическое явление произойдёт 7 ноября 1957 года?

5. Где лучше полетит ракета (при работе её двигателя) — в нижних слоях атмосферы или на большой высоте?

6. Если металлический сосуд наполнить до половины водой из-под крана, то снаружи сосуд покроется мелкими каплями (до уровня налитой воды). Откуда взялась эта влага? Почему?

ПРОВЕРЬ СЕБЯ

(Ответы по «Искорке» № 9)

КРОССВОРД «ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ»
ПО ГОРИЗОНТАЛИ. 1. Кас. 2. Ах-моллинск. 5. Уда. 10. Уфя. 11. Сал. 12. Или. 13. Ока. 14. Вольск. 15. Дон. 16. Ангара.

ПО ВЕРТИКАЛИ. 1. Колгуев. 2. Арзамас. 3. Люблино. 4. Калинин. 6. Алма-Ата. 7. Буй. 8. Уса. 9. Бия. 13. Оха.

КРОССВОРД «ШЕСТЬ БУКВ»

1. Кратер. 2. Крикет. 3. Арктос. 4. Рапира. 5. Гектар. 6. Корнет. 7. Сирена. 8. Кисель. 9. Протей. 10. Сальпа. 11. Гризли. 12. Крокет. 13. Радлан.

ЧТО ЭТО?

Буква «О».

ДВЕ ЗАДАЧИ

1. Не 60 секунд, как кажется в первый момент, а 66, так как между шестью ударами пять интервалов, что даёт 6 секунд на интервал, а между двенадцатью ударами — 11 интервалов.

2. Расстояние между городами — 900 км.

МЕЖДУ ГОРНЫМИ ХРЕБТАМИ

Актюз.

СОДЕРЖАНИЕ

Начало побед. Стихотворение В. Верховского	1
Знамя первой ступени. Рассказ А. Минчковского	2
Большая дружба. Стихотворение Л. Шишко	9
Миноносцы выходят в океан. Рассказ В. Пикуля	10
Печать эскадрона. В. Грусланов и М. Лободин	18
Будёновка. Стихотворение Г. Васильева	25
Из истории пионерской организации. На берегу Амур- ского залива. Воспоминания Д. И. Мечика	26
Музей Перепуткина. Стихи Л. Гаврилова	33
Весёлая демонстрация. Рисунки М. Бекташева	35
Недремлющий лес. Главы из повести И. Туричина ..	36
Верный друг. Рассказы о Карле Марксе Л. Видгопа и Я. Сухотина	45
Великое начало. Статья А. Д. Антрушина	52
Завтра нашей Родины. Судьба моря. Очерк А. И. Еро- мицкого	56
Клуб смекалистых ребят	62
На первой странице обложки — рисунок В. Орлова «За власть Советов!»	
На второй странице обложки — песня «Спасибо, Партия!» композитора О. Романова, слова Б. Гусева (текст пес- ни — на стр. 8).	
На третьей странице обложки — плакат «Первый год про- летарской диктатуры» художника А. П. Аpsит.	
На четвёртой странице обложки — рисунок Ю. Лобачёва «Мы — красные кавалеристы».	

Редактор М. С. ЗЫКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Центр.
Фонтанка, 57. Тел. А-4-54-90.

Сдано в набор 7/Х. Подписано к печати 10/ХI-57 г. 4 печ. листа.
М-37638. Заказ № 1450. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 1 рубль. Тираж 75.000.

Типография им. Володарского Лениздата. Ленинград, Фонтанка, 57

«Год пролетарской диктатуры». Плакат художника А. П. АПСИТ

Цена 1 рубль

